

Куйбышевский государственный университет

Э. Л. Дубман

**ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В XVII ВЕКЕ**

По материалам церковно-монастырских владений

Куйбышев 1991

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
КУЙБЫШЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра дореволюционной отечественной истории

Э. Л. Лубман

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ХУП ВЕКЕ

По материалам церковно-монастырских владений

Учебное пособие к спецкурсу
для студентов дневного и заочного отделений
исторического факультета

Куйбышев 1991

В учебном пособии исследуется формирование крупного феодального хозяйства на территории южных районов Среднего Поволжья, так называемого Симбирско-Самарского Поволжья, в ХУП - начале ХУШ вв. На основе изучения обширного конкретно-исторического материала рассматриваются особенности предпринимательской промыслово-аграрной деятельности крупнейших церковных феодалов в регионе, специфика складывания зависимого населения, тенденции в развитии форм ренты и нарастания социальной напряженности. Последовательно проводится мысль, что хотя развитие феодального хозяйства в период начального складывания всероссийского рынка неизбежно должно было порождать фрагменты товарного производства, крупного предпринимательства, порой со значительным разделением труда, в целом оно полностью вписывалось в структуру феодального способа производства.

Пособие предназначено для студентов исторических факультетов.

Отв. редактор   д.и.н., проф. П.С.Кабытов
Рецензент   к.и.н., доц. Т.И.Ведерникова

ВВЕДЕНИЕ

XVII в. в истории нашей страны занимает особое место. Российское государство постепенно вступало в новый этап — эпоху позднего феодализма, где, наряду с дальнейшим развитием феодально-крепостнических отношений, начали проявляться первые ростки капиталистического уклада. С одной стороны, укреплялась и развивалась крепостническая система общественных отношений, происходила консолидация господствующего класса на основе сближения двух основных форм феодальной собственности. В середине XVII в. окончательно были установлены юридические нормы общегосударственной системы крепостного права. С другой стороны, наблюдалось развитие товарно-денежных отношений, превращение ремесла в мелкое товарное производство, активное формирование купечества как новой социальной силы, появление мануфактурного производства, втягивание новых районов страны в общерусские торговые связи.

Одним из крупнейших собственников в истории позднефеодальной России была церковь. Вывод Ф. Энгельса о том, что в средневековой Западной Европе "владея в каждой стране приблизительно третьей частью всех земель, церковь обладала внутри феодальной организации огромным могуществом"¹ вполне приложим и к нашей стране. В развитии крупного вотчинного хозяйства церковно-монастырских феодалов "нового периода" в истории России как в капле воды отразилась все перипетии сложнейших экономических, социальных и политических процессов, протекавших в стране. Именно в церковном хозяйстве наблюдались противоречивые формы переплетения "старого" и "нового", хотя церковь продолжала оставаться оплотом тех сил, которые должны были пасть под натиском нового этапа развития страны.

Одним из характерных явлений позднефеодального периода русской истории было земледельческое и промышленное освоение новоприсоединенных районов страны, формирование на территории их феодально-крепостни-

ческой системы. Значительный интерес в этом отношении представляет возникновение в пределах южных районов Среднего Поволжья крупной земельной собственности и промыслово-аграрного хозяйства наиболее привилегированных церковных феодалов — представителей высшей иерархии и монастырей центра страны. Повторяя все особенности социально-экономических отношений, господствовавших в ХУП — начале ХУШ вв. в "старом" центре страны, хозяйственная деятельность церкви воспроизводила в новых условиях несколько модифицированный комплекс старого феодального способа производства.

История Среднего Поволжья изучена еще недостаточно. Исследование хозяйственной колонизации "феодалами в рясах" Среднего Поволжья дает возможность выявить своеобразие складывания феодальных отношений в регионе, особенности его освоения. Вопросы, рассматриваемые в учебном пособии, прежде всего касаются социально-экономического развития средневековой России, одной из важнейших проблем советской историографии, и обусловлены необходимостью выявления общего и особенного в развитии докапиталистических формаций, в процессе перехода от феодальной к капиталистической.

Таким образом, объектом изучения в учебном пособии является развитие собственности и хозяйства крупнейших монастырей и церковных иерархов центра страны на территории одного из новоосваиваемых в ХУП—начале ХУШ вв. районов, так называемого Симбирско-Самарского Поволжья, рассмотрение основных направлений их предпринимательской деятельности. Под Симбирско-Самарским Поволжьем подразумевается территория, охватывающая южные районы Среднего Поволжья, по административному делению второй половины ХУП в. — Симбирский, Самарский и закамские земли Казанского уезда. Выделение этого региона обусловлено как сходством его природных условий, так и единством социально-экономических, демографических, этнических и политических процессов, протекавших на его территории в изучаемый период.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца ХУІ—начала ХУП вв. по начало ХУШ в. В это время на территории края возникает и развивается крупное вотчинное хозяйство духовенства. Конечная дата определена церковными реформами начала ХУШ в. В первом десятилетии ХУШ в. самостоятельное поступательное развитие церковно-монашеской собственности было практически прервано по всей территории страны.

В исторической науке хозяйственная деятельность церкви на территории Симбирско-Самарского Поволжья специально не изучалась. Однако

отдельные аспекты вопроса затрагивались в ряде работ. В XIX—начале XX века появилась большая группа так называемых "исторических описаний", посвященных отдельным крупнейшим монастырям страны². Они были написаны авторами, стоящими на церковно-клерикальных позициях и в первую очередь освещали церковную историю. Ценность подобных работ состояла в накоплении источниковой базы.

Во второй половине XIX—начале XX вв. центром изучения миссионерской деятельности церкви, истории монастырей и собственности церковных иерархов в Среднем Поволжье стала Казанская духовная академия. Наиболее крупным исследователем, работавшим в ней, был профессор И.М.Покровский³. При определенных методологических недостатках его работы в них содержится большой документальный материал, автор предпринимает попытки раскрыть социально-экономические аспекты развития церкви.

Важнейшее место в русской историографии второй половины XIX—начала XX вв. занимала проблема колонизации. В духе колонизационной концепции написаны две монографии Г.И.Перетятковича, посвященные истории освоения русским населением Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XVI—XVII вв.⁴ Особое внимание автор уделил монастырской колонизации, детально рассмотрев процесс противновения крупных духовных собственников на свободные и уже занятые земли (в том числе и Симбирско-Самарского Поволжья).

С середины 30 гг. XX в., в связи с освоением историками марксистско-ленинской методологии, усилился интерес исследователей к социально-экономической проблематике. В этом направлении интересна работа С.В. Бахрушина, посвященная промышленным предприятиям богатейших торговых людей России первой половины XVIII в. Не потеряла своего значения характеристика автором организации труда на солеварном промысле Надеинского Усолья как переходной от феодальной к капиталистической⁵. В двух неопубликованных работах В.Н.Нечаева рассматривается формирование землевладения, хозяйство и система повинностей в приволжской вотчине Новодевичьего монастыря. Автор делает обоснованный вывод о значительном росте собственности монастыря в течение XVIII в., о наличии смешанных форм феодальной ренты⁶.

В новейший период развития советской историографии, который начинается с середины 50 гг., появились исследования по истории национальных республик, областей Среднего Поволжья, в них освещалась роль церкви в развитии феодально-крепостнических отношений. Е.Н.Ошанина сделала по-

пытку обобщить результаты изучения освоения Среднего Поволжья во второй половине XVI—начале XVII вв.⁷. Эту же задачу (как частную) ставит перед собой в ряде работ Е.П.Бусыгин⁸.

Непосредственно примыкают к тематике учебного пособия работы Е.И.Дементьева, Н.А.Горской, Ю.Н.Иванова и других исследователей⁹, посвященные социально-экономической и политической истории крупнейших духовных иерархов страны (среди прочих имевших владения и на территории Симбирско-Самарского края).

Для понимания процессов, рассматриваемых в учебном пособии, большое значение имеет современное состояние таких проблем, как взаимоотношения государства и церкви по поводу собственности и льгот последней, основные направления развития церковно-монастырского хозяйства, феодальной ренты, история зависимого населения духовенства и т.д.

Вообще вопрос о реализации ограничительно-секуляризационного законодательства конца XVI—XVII вв. относительно церковных владений является одним из самых сложных и до конца нерешенных. Ю.В.Готье (да и то довольно непоследовательно), С.Б.Веселовский и некоторые другие исследователи считали, что законодательство середины XVII в. остановило рост собственности церкви¹⁰. Большинство же историков предполагало, что этот рост продолжается, но среди них нет единого мнения о том, какими темпами он шел и осуществлялся ли в обход правительственных узаконений или уступки делало само правительство. В последние годы над этой проблемой успешно работала Т.Б.Соловьева. По ее мнению, Уложение 1649 г. не смогло существенно затормозить развитие духовного землевладения. Правительственное законодательство в первую очередь пыталось остановить перераспределение земель между светскими и духовными феодалами¹¹. Конкретное выявление темпов роста собственности церкви по данным о численности зависимого населения предпринято в работах К.В.Сивкова и Я.Е.Водарского¹². В исследованиях Я.Е.Водарского показано, что ограничительное законодательство не смогло ни остановить, ни существенно замедлить этот процесс.

История церковного хозяйства и крестьян в XVII—начале XVIII вв. рассматривалась в ряде работ советских историков, посвященных отдельным крупным монастырям, епархиям, регионам. В результате изучения хозяйства Соловецкого, Спасо-Прилуцкого, Спасо-Ефимьева, Донского, Троице-Гледенского и других монастырей получены новые данные об уровне развития, различных промыслов и, в первую очередь, солеварения, об организации производства, характере использования рабочей силы¹³. Особый интерес

вызвал вопрос о проникновении товарно-денежных отношений в монастырское хозяйство. Это было связано с углубленным изучением проблемы становления капиталистических отношений, с дискуссией о тенденциях социально-экономического развития страны в ХУП-начале ХУШ вв.

Для советской историографии характерен интерес к истории крестьянства в эпоху позднего феодализма. Положение крестьян, духовенства изучалось в трудах А.Н.Сахарова, Н.А.Горской, Г.Н.Лохтевой и других авторов¹⁴. Особое внимание в этих исследованиях уделяется феодальной ренте. Н.А.Горская в монографии, посвященной положению крестьян центральных монастырей страны ХУП в., так же, как и А.Н.Сахаров, приходит к выводу об эволюции феодальной ренты в сторону денежного оброка, и так же, как Ю.А.Тихонов, считает, что государственные платежи крестьян в конце ХУП в. по темпам роста и по абсолютным размерам значительно превышали владельческие повинности¹⁵.

Из промысловых отраслей хозяйства церковных феодалов наибольшее внимание в советской исторической науке уделено солеварению. Вызывают сомнения односторонние характеристики солеварных промыслов ХУП в. как предприятий типа феодальной крупной кооперации¹⁶ или капиталистической мануфактуры¹⁷. Более убедительной является точка зрения о переходном типе организации производства в этой отрасли, о наличии в солеварных промыслах лишь отдельных черт мануфактурного производства¹⁸.

Несмотря на то, что рыболовство занимало одно из важнейших мест в промысловом хозяйстве духовных феодалов, эта отрасль изучена крайне слабо и, в основном, по районам Европейского Севера и Нижней Волги¹⁹.

Значительное влияние на развитие церковно-монастырской собственности в регионе оказали реформы начала ХУШ в. Воздействие политики Петра I на экономическое могущество церкви специально рассматривалось в работах М.И.Горчакова, А.Д.Дмитрева, О.Ф.Козлова, И.А.Бульгина²⁰. Изучении истории: "определенных монастырей" в конце ХУП-начале ХУШ вв. показало, что передача их в ведение Монастырского приказа, усиление государственных налогов и повинностей монастырских крестьян в первой половине ХУШ в. затормозило развитие хозяйства и товарно-денежных отношений во владениях этих вотчинников²¹.

Анализ историографии вопроса доказывает важность изучения социально-экономической истории церкви как в целом по стране, так и по отдельным регионам, в том числе и по такому, сравнительно малоизученному, как Симбирско-Самарское Поволжье.

При подготовке учебного пособия использованы документальные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов.

Кроме того, были выявлены источники, находящиеся в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и архиве Музея Новодевичьего монастыря. Отдельные документы обнаружены в государственных архивах Татарской АССР, Куйбышевской, Ульяновской и Саратовской областей, а также в фондах краеведческих музеев Куйбышевской и Ульяновской областей.

В связи с отсутствием сколько-нибудь полных собраний документов историки уже не раз отмечали сложность изучения средневековой истории Среднего Поволжья. В 1701 г. полностью сгорело здание Приказа Казанского дворца, в котором находился его уникальный архив. В ведении Приказа во второй половине XVI-XVII вв. были сосредоточены практически все вопросы управления "низовскими городами". Этот факт увеличивает "ценность" каждого нового источника по истории края. Несколько лучше обстоит дело с материалами, относящимися к владениям духовенства. Они откладывались в архивах монастырей, патриарших приказов, Монастырского приказа и т. д. Общеизвестно, что церковные иерархи более бережно относились к своим архивам, однако и здесь лишь по вотчине Савво-Сторожевского монастыря, Надеинскому Усолью сохранился достаточно полный комплекс документов (ЦГАДА, ф. II 99, 281, 125 и др.). Поэтому только фронтальный просмотр архивных фондов, публикаций документов позволил документально обосновать ключевые положения темы. Ряд материалов был опубликован. В основном это касается источников, посвященных истории складывания собственности на земли и волжские рыболовные угодья. В настоящее время активную работу по выявлению и публикации документальных материалов ведет коллектив исследователей Казанского университета под руководством И. П. Ермолаева.

В качестве источников использовались также: опубликованные законодательные акты, летописи местных церквей, результаты научных экспедиций П. С. Палласа, И. И. Лепехина, К. М. Бэра и других исследователей²².

Тематически все использованные источники можно разделить на несколько групп. К первой, самой многочисленной, относятся материалы, подтверждающие права владения на "воды" и земли. Это — жалованные и оброчные грамоты, меновые записи, отказные и межевые книги; писцовые книги и описания владений в той их части, которая посвящена вопросам собственности и т. д. Большая часть этих материалов хранится в коллекции Грамот Коллегии Экономии (ЦГАДА, ф. 281). Существенной чертой первой группы источников является полнота, сохранность.

Неоднороден состав второй группы материалов, содержащих сведения о населении. Книги общегосударственных переписей середины ХУП.—начала ХУШ в. сохранились лишь частично и поэтому их приходится дополнять сведениями внутривотчинных описаний, писцовых и дозорных книг; описаний, проведенных Монастырским приказом (ЦГАДА. Ф.210), данными сводных источников. В целом они позволяют проследить основные направления формирования населения, но детальный анализ этого процесса по отдельным этапам практически невозможен из-за неполноты и разнородности источников.

Уникальными являются источники о состоянии хозяйства церковно-монастырских владений. Они содержатся в приходно-расходных книгах по Савво-Сторожевскому монастырю и его промыслам (ЦГАДА.Ф. 1199, 125, 159), в описаниях Монастырского приказа (ЦГАДА. Ф.210), в единственной обнаруженной нами по южным районам Среднего Поволжья книге посева и сбора урожая начала ХУШ в. в вотчине кашпирского Вознесенского монастыря, в отдельных текстах писцовых, дозорных и межевых книг. Впервые введенные в научный оборот сведения "Описания ... оброчных статей", и в первую очередь рыбных промыслов (ЦГАДА.Росархив. Разряд ХХУІ), позволяют сделать важные выводы по развитию рыболовства.

Весьма немногочисленны материалы о положении зависимого населения, о системе эксплуатации и классовой борьбе. Как правило, это челобитные, жалобы промышленников и приказчиков на неповиновение населения. Отдельных "специализированных" источников — окладных книг, свидетельствующих о повинностях зависимого населения, не сохранилось.

Частичные сведения содержатся в приходно-расходных, писцовых и дозорных книгах, актовом материале.

Среди законодательных материалов особый интерес представляют ограничительно-секуляризационные статьи Земских соборов 1580 и 1584 гг., Уложения 1649 г., петровских указов начала ХУШ в.; законодательства о "заказных городах"; об обмене поместий и вотчин и т.д.

В целом использованные архивные и опубликованные источники позволяют решить задачи, поставленные в учебном пособии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Энгельс Ф. Юридический социализм//Маркс К., Энгельс Ф.Соч.Т.21. С.495.
2. Историческое описание московского Новодевичьего монастыря.

М., 1885; Днев М. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. М., 1858; и др.

3. Покровский И.М. История казанских монастырей до 1764 года// ИОИАИЭ. Казань, 1902. Т.18. Вып.1-3; Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущество до 1764 года. Казань, 1906.

4. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации) М., 1977; Его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

5. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке// Бахрушин С.В. Научные труды. Т.2.М., 1954. С.228-247.

6. Нечаев В.Н. Вотчина Новодевичьего монастыря// Архив Музея Новодевичьего монастыря. № 146; Его же. Атрусские воды// Архив музея Новодевичьего монастыря. № 145.

7. Опанина Е.Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в.// Русское государство в XVII в. М., 1961. С.50-74.

8. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань. 1966. С.37-84 и др.

9. Дементьев Е.И. Приходо-расходные книги Савва-Сторожевского монастыря как источник для изучения экономического положения Центра России во второй половине XVII века// Археографический ежегодник. М., 1963. С.184-191; Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977. С.239-251; Иванов Ю.Н. Феодалное землевладение в Казанской епархии (вторая половина XVI-XVII вв.). Автореф. дис.... канд. истор. наук. Казань, 1982; и др.

10. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С.249-250; Веселовский С.Б. Очерк образования земельных владений Макарьева Калязина монастыря// Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С.146.

11. Соловьева Т.Б. Борьба церкви и посада за земельные владения в городе во второй половине XVII века// Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С.3-15.

12. Сивков К.В. К истории землевладения в России в начале XVIII в.// Известия Академии Наук. Отделение общественных наук. № 3.Л., 1933. С.195-224; Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII-начале XVIII в.// Историческая география России XII-начала XX в. М., 1975; и др.

13. Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство в ХУП в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.—Л., 1959; Савич А.А. Соловецкая вотчина ХУ—ХУП вв. (опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем севере в Древней Руси). Пермь, 1927; и др.

14. Сахаров А.Н. Русская деревня ХУШв. По материалам патриаршего хозяйства М., 1966; Лохтева Г.Н. Монастырское хозяйство в ХУП веке (по материалам Троицкого Гledenского монастыря) Автореф. дис.... канд.ист.наук. М., 1964; и др.

15. Горская Н.А. Монастырские крестьяне ....С.243—245, 339, 345; Сахаров А.Н. Русская деревня ....С.65—70; Тихонов Ю.А. Помещичья крестьяне в России. Феодальная рента в ХУП—начале ХУШв. М., 1974. С.301—305.

16. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства русской промышленности ХУІ—ХУП веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. С.92, 197—198, 446—447.

17. Устагов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в ХУП веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С.6, 275, 315; и др.

18. Введенский А.А. Дом Строгановых в ХУІ—ХУП веках. М., 1962. С.176, 201, 215; Бахрушин С.В. Промышленные предприятия....С.237.

19. Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в ХУП веке // Ученые записки Ленингр.ун-та. Сер.истории. Вып.5. № 48. Л., 1939; Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца ХУП—начала ХУШ в. М., 1982; и др.

20. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти ХУШ века. М., 1977; Дмитриев А.Д. Петр I и церковь. М.—Л., 1931; Козлов О.Ф. Церковная реформа первой четверти ХУШ в. Автореф.дис.... канд.ист.наук. М., 1970.

21. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне .....С.309—310; Чекунова А.Е. Вотчинное хозяйство и крестьяне в конце ХУП—первой четверти ХУШ в (по материалам Донского монастыря). Автореф.дис....канд.ист.наук. М., 1979. С.17, 20—22.

22. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773—1788; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 годах. СПб., 1775 и др.

Вопрос о возникновении и развитии в ХУП—начале ХУШ вв. крупного церковно-монастырского водо- и землевладения на территории Симбирско-Самарского Поволжья нельзя рассматривать в отрыве от общей проблемы взаимоотношений государства и церкви по поводу собственности последней.

На протяжении ХУП в. православная церковь продолжала оставаться одним из богатейших и наиболее привилегированных сословий господствующего класса. Духовенство, обладавшее "внутри феодальной организации огромным могуществом"¹, смогло дольше других сословий господствующего класса удерживать за собой положение "государства в государстве", рудимента "прежней автономии". Подобная позиция шла вразрез с общей тенденцией социально-экономического ("действительно фактическим слиянием всех .... областей"²) и политического (становление абсолютизма) развития страны. Способом разрешения этого противоречия было появление ограничительного, а в отдельные периоды истории России и секуляризационного законодательства. Однако постепенная ликвидация средневекового иммунитета, включение церковных корпораций в систему государственного управления не отразились на их положении феодальных собственников. Выходившие указы не перекрывали полностью источников увеличения имущества духовенства. Законы конца ХVI—ХУП вв., вершиной которых явились статьи Уложения 1649 г., были направлены в первую очередь против перераспределения земель между светскими и духовными феодалами, происходившего в пользу последних. Только в конце ХУП—начале ХУШ вв. государственная политика по отношению к собственности церкви значительно ужесточилась³.

О тенденциях развития собственности духовенства в ХУП в. и особенно во второй половине столетия можно судить по статистическим материалам о населении. Темпы роста зависимого населения церковно-монастырских владений в этот период превышали уровень естественного прироста в целом по стране. Внутри самой церкви шел процесс концентрации владений в руках крупнейших, наиболее привилегированных иерархов и монастырей. Несмотря на то, что около двух третей собственности церкви продолжало оставаться в "старом" центре страны, интенсивно происходило территориальное ее перераспределение в пользу окраинных, новоосваиваемых районов Кга, Уго-Востока, Сибири. В этих регионах собственность церковно-монастырских феодалов выросла практически в два раза, лишь немного уступив показателям прироста населения регионов⁴.

§ I. Возникновение и развитие церковно-монастырских владений

Развитие крупной собственности церкви в Симбирско-Самарском крае в конце XVI-начале XVII вв. необходимо рассматривать как составную часть формирования на территории его феодального землевладения, аграрно-промышленного освоения Среднего Поволжья русским, мордовским, татарским и чувашским населением. Как и при колонизации европейского Севера и Сибири, церковные корпорации отнюдь не были пионерами, первооткрывателями в этом процессе⁵.

Первоначально в конце XVI-первой половине XVII вв. основным объектом формирования крупной собственности в регионе стали волжские промышленные воды. Вопрос о развитии самостоятельной, независимой от землевладения собственности на рыболовные угодья практически не изучался в исторической литературе. Законодательство XVI-XVII вв. не содержит какого-либо разработанного правового кодекса, который бы регулировал правила пользования "рыбными ловлями" как объектом самостоятельного владения⁶. Однако анализ архивных источников позволяет предположить наличие в XVII в. единых правовых норм по этому виду собственности. Наиболее полно они нашли свое отражение в законодательных актах начала XVIII в., содержащих правила использования так называемых "оброчных угодий"⁷. Основываясь на всех этих материалах, попытаемся рассмотреть основные особенности владения "водами".

Средняя (ниже впадения Камы) и Нижняя Волга наряду с Поморьем являлась одним из районов, где получило развитие крупное промышленное рыболовство и где уже в первой половине XVII в. возник дефицит рыболовных угодий. Феодальное государство, будучи верховным собственником рыбных ресурсов Волги, во второй половине XVI-начале XVII вв. имело возможность регулировать распределение территориально фиксированных участков рыбных ловель только в пределах казанско-тетюшских и астраханских вод⁸. Конкретных данных о существовании промышленных владений на симбирско-саратовском участке Волги за вторую половину XVI в. не сохранилось. Но это не дает основания говорить о "запустении" волжских вод. Крупные рыболовные промыслы русского населения имелись здесь еще во времена Казанского и Астраханского ханств. В грамоте, выданной московскому Чудову монастырю в 1606 г. на волжские рыбные

ловли, говорилось: "... по всей Волге рыбной ловле и всем ловцам приток большой"⁹.

Планомерная целенаправленная деятельность государства по эксплуатации природных богатств Нижней Волги началась только с середины второго десятилетия ХУП в. Видимо, это было характерно и для Симбирско-Самарского Поволжья. Однако, если в Астраханском и Саратовско-Царицынском Поволжье значительное развитие получили дворцовые промыслы¹⁰, то воды от Симбирска до Саратова в основном использовались в фискальных интересах. Они отдавались на оброк или раздавались в вотчины.

Первые сведения о фиксированных размерах рыбных ловель появляются на рубеже ХУІ-ХУП вв. В жалованной грамоте Бориса Годунова нижегородскому Печерскому монастырю говорилось: "... Печерского ж монастыря в Самарском городе на реке Волге воды... с верхние изголови Тушина острова до ... нижнего устья Самары реки ..." ¹¹. О широком проникновении монастырей на волжские просторы (ниже Тетиней), распределении между ними промысловых участков в первой четверти ХУП в. свидетельствуют слова казанских воевод о том, что в "... Казанских водах ... недолавливается рыба для царя ...", так как рыбные ловцы уходят к Самаре, Саратову и ниже, где "... идут в оброк ..." к монастырям¹². Характерно, что уже в первой трети ХУП в. определялся круг владельцев-предпринимателей, принимавших участие в распределении и использовании волжских вод практически до конца ХУП-начала ХУШ вв. Это были московские Новоспасский и Чудов, патриаршие домовые нижегородский Благовещенский и самарский Спасо-Преображенский монастыри¹³. Позднее, в начале 60-х годов, к ним присоединился звенигородский Савво-Сторожевский монастырь, затем в 1683 г. получил самарские "Атрубские" воды московский Новодевичий и в 1692 г. "Сокские" воды московский Вознесенский монастырь¹⁴. К концу ХУП-началу ХУШ вв. крупнейшие водные угодья, простиравшиеся на десятки верст и занимавшие подавляющую часть акватории Волги, сконцентрировались в руках небольшой группы богатейших московских и подмосковных монастырей - Чудова, Новодевичьего, Вознесенского, Савво-Сторожевского. Звенигородскому Савво-Сторожевскому монастырю в последней трети ХУП в. принадлежало более 75 верст волжских вод, около 45 верст Чудову монастырю, немногим меньше Новоспасскому и Новодевичьему монастырям. Предприниматели прочих обитателей появлялись в этом районе sporadически. Это относилось к рыбным ловлям казанских, свяжских и других монастырей.

По правовому статусу все рыбные ловли делились на оброчные и вот-

чинные. Во владениях Приказа Казанского дворца, а с 1671 г. Приказа Большого дворца, преобладала оброчная форма. Свою завершенность оброчная система получила в промысловых угодьях светских непривилегированных предпринимателей. На "воды", распределяемые между светскими промышленниками, неукоснительно распространялись все оброчные правила: срочность, соревновательность, обязательность "наддачи", отсутствие податных и иных льгот и т.д. Монастыри находились в более привилегированном положении. Наиболее крупные и близкие к царскому дому монастыри, такие, как московский Новоспасский, звенигородский Савво-Сторожевский, получили рыбные ловли хотя и в оброчное пользование, но без указания срока¹⁵.

Крупные монастыри практически не участвовали в торгах на перекупку оброчных промыслов. На имя государя подавались челобитная с просьбой дать в оброчное пользование облюбованные обителем "воды", а, как правило, она удовлетворялась. Нередки случаи, когда в отношении монастырей не действовало правило "наддачи". Рыбные ловли отдавались в половинный оброк (Новоспасский монастырь), или за ту же цену (Савво-Сторожевский)¹⁶. Привилегированное духовенство получало право на беспощадный провоз рыбы и припасов. Во всем остальном на них распространялись обычные правовые нормы пользования оброчными ловлями — ограничения по территории и срокам добычи, по орудиям, зачастую по количеству вылавливаемой рыбы и по ее сортности. В ряде случаев оброчный владелец должен был поставлять часть улова на государственные дворы. Более мелкие предприниматели — монастыри имели еще меньше льгот и их положение как промысловых организаций приближалось по правовому статусу к положению светских промышленников.

Только церковные корпорации смогли получить рыбные ловли Самаро-Симбирского Поволжья на вотчинном праве. Какой-либо закономерности перехода от оброчных владений к вотчинным обнаружить не удалось. Процесс формирования вотчинных прав на волжские воды шел на протяжении ХУП в. Первая жалованная грамота была выдана Чудову монастырю в 1606 г. Известно, что в ХУП в. имело место не более 8—10 пожалований волжских вод в вотчину¹⁷. К концу века здесь сохранилось только 5 владений, но они занимали всю акваторию изучаемого участка Волги почти не оставив места для оброчных и дворцовых промыслов. Характерно, что все эти вотчины принадлежали наиболее привилегированным монастырям страны, близким в момент пожалования к царскому дому. Хрестоматийным примером использования монастырскими властями складывав-

шихся ситуаций является случай получения значительного участка водных властями Чудова монастыря. Воспользовавшись рождением в 1690 г. в царской семье ребенка и крещением его в Чудовом монастыре, администрация монастыря подала челобитную с просьбой о пожаловании его Елань-Иргизскими водами¹⁸.

Существенным представляется вопрос об основных чертах вотчинного режима вод, выявляемого по текстам жалованных книг. Ограниченность, большая неустойчивость собственности на воды, по сравнению с землевладением, очевидна. В первую очередь, она являлась осуществлением права на беспрепятственный промысел данного владельца. Ограничения касались запрета строить какие-либо сооружения, препятствующие судоходству. Регулировались орудия труда, сортность и количество вылавливаемой рыбы, устанавливался сезон добычи. Необходимо заметить, что к концу XVII в. все пункты этой регламентации, кроме первого, в вотчинных владениях были сняты. При каждом новом царе монастырям приходилось вновь подтверждать жалованные грамоты. Удаленность вод от населенных владений создавала сложности в их охране, постоянном контроле, не говоря уже о промысле рыбы. Действительно "крепкими" монастырям могли быть только промысловые воды, прилегающие к населенным земельным владениям. Однако наделение земель монастырей-промышленников началось только во второй половине XVII в.

Укрепление собственности монастырей на "воды" происходило в условиях острой конкуренции со светскими промышленниками, которые в основном состояли из посадских людей, стрельцов, государственных крестьян. Среди них не было феодалов, но выделялась группа таких богатейших представителей купеческого капитала как Н.Светешников, К.Климшин, Н.Федоров, С. и А.Задорини. По числу оброчных владений и количеству владельцев светские рыболовецкие промыслы в несколько раз опережали монастырские. Однако, как правило, они были недолговечными. Время существования подавляющего большинства промысловых владений не превышало нескольких лет. К концу XVII в. монастырям удалось полностью вытеснить с акватории Средней Волги своих светских конкурентов. Видимо права Е.И. Заозерская, считавшая главной причиной неудач светского непривилегированного предпринимательства его двойственностью, "выходцы из торгово-промышленной среды не попадали в лоно господствующего класса", не пользовались его льготами и в то же время "не становились настоящими капиталистами", не могли организовать производство на новых основах¹⁹.

Первоначально, базу для эксплуатации рыбных промыслов монастырские старцы пытались создать в волжских городах – Саратове, Самаре, позднее в Симбирске. Административно-хозяйственные подворья, где жили приказчики, "строители", слуги, сторожа; хранился рыболовецкий инвентарь, соль, продукты и т.д., имели практически все крупнейшие духовные предприниматели¹⁹. Дворы, хотя это было запрещено Уложением 1649 г., покупались у местных посадских и служилых людей. Кроме того, монастырские власти выскивали "пустые дворовые места" и, при отказе посадских людей от них, просили разрешение на их использование.

Такие паллиативные меры, как использование городских дворов, удаленных от "вод", оказались неудобными во многих отношениях. Ни в Самаре, ни в Саратове, ни в Симбирске эти подворья не переросли в промысловые "белые" монастырские слободы, населенные зависимым населением, хотя тенденция к этому наблюдалась. В ряде случаев преграду на этом пути ставили местные власти. Охранительная государственная политика по отношению к прибрежным землям Средней и Нижней Волги в 60–70-х гг. XVII в. проявляется в тексте грамот, данных Чудову монастырю в 1666 г. на "основские тихие воды" (вотчинные) и в 1661 г. на "Атрубские воды" (оброчные)²⁰. Эти грамоты запрещали строить на берегах, примыкающих к рыбным ловлям, монастырские дворы, основывать села и деревни. По мнению Н.М.Тихомирова, данное обстоятельство было вызвано нежеланием правительства монопольно закреплять за промышленниками волжские воды, оброчные платежи с которых давали значительную прибыль казне²¹. Появление такого ограничения в 60-х годах XVII в. обуславливалось изменением обстановки в крае, попытками правительства и промышленников перейти к оседлому освоению волжского побережья. Только начиная с 80-х гг. XVII в., монастыри, владельцы рыболовных угодий, получили возможность дополнять свои "воды" земельными владениями.

Значительно раньше на территории Симбирско-Самарского Поволжья возникло землевладение церковных феодалов, сфера интересов которых лежала, прежде всего, в развитии сельского хозяйства (и солеварения). Еще в первой четверти XVII в. (первое упоминание относится к 1627 г.) на территории Самарской Луки появилась крупная вотчина самарского патриаршего Спасо-Преображенского монастыря²². Уникальные природные условия, надежно защищавшие территорию Самарской Луки от нападений кочевников, способствовали возникновению здесь в первой трети XVII в., крупных землевладельческого и промыслового центров (к последнему относятся основанный в 1631/32 г. солеварный промысел Надеинского Усолья)²³.

Патриарше-монастырское владение почти на всем протяжении ХУП в. являлось основным ядром и центром развития феодального землевладения Самарского уезда.

Во второй половине ХУП в., после завершения строительства Симбирско-Корсунской и Закамской черт, на территории Симбирско-Самарского Поволжья возникли предпосылки для широкого распространения феодального землевладения. Как и на юге страны поместья и вотчины в крае получали мелкие и средние служилые люди. Данные о фактическом освоении этой территории и некоторые косвенные материалы позволяют считать, что охранительные меры — так называемое "законодательство о заказных городах" — в защиту мелкого и среднего служилого землевладения действовали и здесь²⁴. В 50-70 гг. ХУП в. в крае известны лишь единичные случаи получения земельных участков церковью. Так, земли по рр. Утке и Майне отошли в вотчину патриарха. В 1655 г. довольно крупные оброчные "безсрочные" земельные владения получил костромской Богоявленский монастырь на левобережье Камы, рядом с устьем р. Ика, а в 1661 г. — на левом берегу р. Волги "10 верстами ниже" г. Симбирска²⁵.

В 1660 г. значительные земельные владения на Самарской Луке, так называемое Надеинское Усолье, было отдано в оброчное "безсрочное" владение в звенигородский Савво-Сторожевский монастырь. Территория Надеинского Усолья практически не менялась на протяжении всего ХУП в. и охватывала около 1500 кв. км. Основное богатство Надеинского Усолья составлял крупный, хорошо организованный соляной промысел, за который монастырь платил в казну 496,5 руб. в год "против большого окладу, как было на откупу у Кипреяна Климпина". Высокий доход давали государству пошляны с производства соли, в отдельные годы доходившие до 150 рублей, а также оброчные платежи за использование рыбных ловель. Сборы оброка и пошлян, надзор за промыслом осуществляли симбирские власти²⁶. Ранее промысел дважды брался в казну, и факт отдачи его в руки крупного феодала, даже в зоне ограничений, не являлся чем-либо парадоксальным. Нельзя забывать и об особой близости Савво-Сторожевского монастыря к царской семье. Постоянное внимание Алексея Михайловича и Федора Алексеевича к монастырским нуждам сказалось на формировании особого статуса Надеинского Усолья. По многочисленным документам хорошо прослеживается процесс формирования безусловной феодальной собственности с максимальными иммунитетными правами, с тарханскими льготами, независимостью от местных властей. В 70-80 гг. ХУП в. монастырь приобрел права вотчинника на Надеинское Усолье; оброчные платежи

дошины с производства и продажи соли и рыбы были сняты, вотчину передачи первоначально под управление казанских воевод, а затем она поступила под юрисдикцию центральных дворцовых приказов — Приказа Большого двorca, Приказа Тайных дел, Мастерской палаты и т.д. Большинство зависимого населения владения было освобождено от платежа государственных налогов, несения повинностей. Монастырские власти получили ряд оберегательных грамот на свои промыслы. В таком привилегированном положении вотчина находилась до конца ХУП в.²⁷

Таким образом, в течение 50—начала 80 гг. ХУП в. немногочисленные, но крупные владения церковных феодалов возникали на окраине основного массива мелко- и среднепоместного феодального землевладения Симбирского Поволжья. В этот период государство создавало ограничения на пути широкого развития церковной вотчинной собственности на воды и земли Симбирского Поволжья. Но крупные привилегированные собственники, как это наблюдается на примере Савво-Сторожевского монастыря, постепенно добивались безусловных иммунитетных прав.

Новый этап в развитии феодального землевладения на территории края связан с началом строительства в 1683 г. оборонительных сооружений Сызранской черты. На правобережье Волги возник новый район мелкого и среднего служилого землевладения. В связи с активной политикой правительства на юге и юго-востоке страны в последние два десятилетия ХУП в. опасность нападений кочевников значительно уменьшилась. Сызранская черта так и осталась недостроенной, а служилые люди с нее переводились на юг в Азов²⁸. К концу ХУП в. граница феодального землевладения спустилась значительно ниже Сызрани и Кашпира и достигла промысловых владений Чудова и Новоспасского монастырей. Как и на юге, роль служилых людей Симбирской и Сызранской черт в обороне юго-восточных границ страны снизилась. В 80-х гг. ХУП в. вопрос о сохранении и охране землевладения этой категории населения пока не был снят, однако несколько позднее нормы законодательства о "заказных городах" фактически перестали действовать. Реальная правительственная политика и динамика развития землевладения на юге и юго-востоке все более расходились с существующими правовыми нормами. В 1683 г. московский Новодевичий монастырь получил в вотчину "Атлубские" рыбные ловли, примыкающие с севера к "водам" Надеинского Усолья и к ним значительный участок волжского берега (500 на 500 сажен) для устройства рыбного двора. В результате обменов, прямого захвата земель в руках монастырских властей скопилось около 100 тысяч десятин различных угодий²⁹. В 1685 г. по просьбе властей Чудова монастыря

к их рыбным ловлям был пожалован огромный участок правобережья Волги общей протяженностью около 40 верст. Свое прошение монастырские власти мотивировали необходимостью оградить рыбные ловли от возможной конкуренции со стороны сызранских служилых людей, владения которых приблизились к монастырским водам³⁰. В это же время получил первые земельные пожалования кашпирский Вознесенский монастырь³¹.

В 90-х годах ХУ в. на территории Симбирско-Самарского Поволжья начинается раздача "порозжих" земель в "указное число". В 1692 г. такое пожалование получил московский Вознесенский монастырь, а в 1698-1699 гг. - московский Новоспасский, подмосковный Вознесенский Новоиерусалимский и костромской Ипатьев монастыри³². В соответствии с нормами "указного числа" Вознесенский монастырь получил 800 четвертей земли в одном поле со всеми угодьями, остальные монастыри - по 500. Однако при фактическом наделении монастырей землей и угодьями встретился ряд сложностей и прежде всего их нехватка. Земли на луговой левобережной стороне Волги при этом не учитывались. К владениям Вознесенского, Новоспасского и Воскресенского, как ранее Чудова, Савво-Сторожевского, кашпирского Вознесенского монастырей, примечивались огромные участки левобережья. Но эксплуатация их вследствие постоянной опасности со стороны кочевников была возможна только наездом.

Монастырские власти сами подыскивали себе земельные угодья в "указное число", а затем уже просили о пожаловании. К ним полагались участки волжских вод. Это являлось особенностью раздач земель в Симбирско-Самарском Поволжье.

В конце ХУ-начале ХУ вв. известны случаи пожалования земель на территории Симбирско-Самарского края в качестве компенсации за вотчины, взятые в казну в центральных районах. В 1697/98 гг. более 3000 четвертей получил таким образом Новоспасский монастырь³³.

Существенным источником увеличения земельных владений духовенства в регионе в последнее двадцатилетие столетия стали обмены. О широком их распространении по всей стране свидетельствуют исследования А.Е.Чекуновой, Ю.Н.Иванова, Г.И.Слесарчук и других историков³⁴.

В ряде случаев обмен с местными служилыми людьми являлся начальным моментом для формирования на интересующей нас территории крупного вотчинного землевладения. Именно так, появились на Самарской Луке владения московского Вознесенского монастыря, когда в 1690/91 г. власти выменяли у местных помещиков "из диких поль остаточной земли" 60,75 четвертей пашни, 66 десятин сенокосов с угодьями и с

"перехожими четьюми"³⁵. Насколько велико было значение обмена для формирования земельных владений духовенства, свидетельствует пример Новопречистенской вотчины Новодевичьего монастыря. Здесь из земель, полученных законным путем, не учитывая захваченных самовольно, подавляющее большинство — до 1500 десятин — было приобретено с помощью обмена и "поступки". 300 четвертей к своим 500, данным в "указное число", выменял Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Более трети вотчины московского Вознесенского монастыря также состояло из выменных земель³⁶. В конце ХУ в. на территории Сямбирского уезда получили таким же образом владения муромский Спасский, нижегородский Печерский монастыри. Всего обнаружено 13 случаев операций такого рода. Как правило, местные помещики, солдаты, служилые чуваши обменивали сравнительно небольшие участки земли — от 30 до 100 четвертей. Только в двух случаях величина надела была значительной (300 и более четвертей в одном поле). Преобладал неравноценный обмен, когда монастырские власти отдавали совершенно несравнимые незначительные наделы от полчетверика до 5 четвертей. Такая форма обмена наблюдается в 7 случаях. Что стояло за ним — заклад, продажа, поступка — неясно. Дважды за таким обменом скрывалась продажа. Например, муромский Спасский монастырь заплатил за "перехожие" 50 четвертей с угодьями 38 рублей. Интересен факт обмена властями костромского Ипатьева монастыря в 1697/98 г. с помещиком М.Нелюбовым, когда за 50 четвертей земли и 7 крестьянских дворов монастырь отдал 2 четверти земли в Костромском уезде и 1 крестьянский двор. Обмен был совершен в соответствии со всеми формальностями "пусто на пусто", "жилое на жилое", "с перехожими дворами и четвертями". В качестве компенсации монастырские власти взяли на свое содержание двух несовершеннолетних сыновей помещика³⁷.

Перераспределение земель на территории края шло и путем прямых захватов. Фонд свободных земель в освоенных районах быстро истощился и всевозможные прирезки, примечевания, которые зачастую использовали землевладельцы, привели к появлению массы спорных вопросов. Точных данных о количестве земель, присоединенных подобным образом к владениям духовенства, нет. В.Н.Нечаев, изучивший, "как воды стали землями" в Новопречистенской вотчине Новодевичьего монастыря, считает, что большая часть территории владения была незаконно захвачена у окрестных жителей³⁸.

Правительственная политика начала ХУШ века остановила рост

собственности церкви на территории края. За первое десятилетие века известен только один случай, когда в 1704 г. земельный участок получил кашпирский Вознесенский монастырь (а вернее, казанский митрополит, владевший монастырем)³⁹. Правительство Петра I отстранило церковь от управления своими вотчинами, прервав естественный процесс развития собственности духовенства. Указом от 6 января 1706 г. была произведена секуляризация всех рыбных промыслов⁴⁰. Начавшееся с 1705—1706 гг. "определение" владений духовенства привело к следующим результатам. Вотчины Богоявленского и Ипатьева монастырей были определены к "заопределенным", Воскресенского Новоерусалимского Чудова, Новоспасского и Савво-Сторожевского монастырей вошли в число "определенных". "Неопределенными" оказались владения Новодевичьего монастыря и казанского митрополита⁴¹. Позднее, в 1710 г., приволжские владения Новодевичьего, Савво-Сторожевского и Новоспасского монастырей были пожалованы А.Д.Меншикову⁴².

На рубеже ХУП-ХУШ вв. завершается процесс формирования крупной собственности церкви на территории Симбирско-Самарского Поволжья. Графическое изображение ее владений показывает, что едва ли не все удобные, наиболее перспективные с точки зрения развития промыслового и земледельческого хозяйства, земли по право-левобережью Волги от Симбирска и до Саратова, большая часть волжской акватории оказались в руках духовных феодалов. Земледельческие и промысловые угодья края стали объектом предпринимательской деятельности крупнейших, наиболее привилегированных монастырей и иерархов центра страны. Появление самостоятельных значительных владений рыбными ловлями было обусловлено спецификой природных условий региона, особенностью развития церковно-монастырского хозяйства, основой которого продолжала оставаться "земельная собственность ... как основное условие производства"⁴³. Поэтому закономерно, что наряду с развитием землевладения в вотчинах с аграрным уклоном во второй половине ХУП в. и особенно в его конце, участками волжского побережья были наделены монастыри-предприниматели, ведшие первоначально сугубо промышленное хозяйство.

§ 2. Рост населения в крупной вотчине

В процессе формирования населения церковно-монастырских владений можно выделить три периода: I - до середины ХУП в.; 2 - конец 40 -

середина 80-х гг. ХУП в.; 3 - с середины 80-х гг. ХУП в. до начала ХУШ в. Такое деления, в целом, соответствует основным этапам феодально-крепостнического освоения Симбирско-Самарского Поволжья и формирования на его территории землевладения духовенства.

До середины ХУП в. на территории будущего Симбирского уезда и закамских земель Казанского уезда практически не существовало оседлого населения⁴⁴. Постоянные поселения возникли только на Самарской Луке, во владениях самарского домового патриаршего Спасо-Преображенского монастыря и ярославского гостя Надеи Светешникова (Надеинское Усолье). На монастырских землях они появились в конце ХУІ-первой четверти ХУП в. По описным книгам 1639/40 и 1641/42 гг. самарских воевод Ф.Племянникова и П.Загряжского в вотчине в русских и "чуваških" селах насчитывалось 210 дворов с 450 жителями мужского пола (средняя населенность двора 2,25⁴⁵. Ценные сведения о населении владения в середине ХУП в. содержатся в переписной книге Самарского уезда 1646 г. За короткий период, прошедший после составления описных книг, численность его выросла вдвое. Монастыря в середине ХУП в. принадлежало около 90% дворов сельских жителей всего Самарского уезда⁴⁶. Главным резервом роста населения были беглые. Первые сведения о них относятся к 1627-1631 гг., когда власти Троице-Сергиева монастыря потребовали вернуть в свою вотчину в Алатырском уезде крестьян, поселившихся на Самарской Луке "под Лысой горой" (с.Подгоры). При составлении переписной книги Самарского уезда переписчики должны были отдельно учитывать людей, появившихся здесь за 5 лет до начала переписи. Таких, судя по записям, набралось около 100 человек (10% всего мужского населения). О своем прошлом, за кем и где они жили раньше, дали показания около 70 человек. Примерно 60% переселенцев были выходцами из Среднего Поволжья, более 30% - из нижегородского Поволжья. Остальные пришли также из сравнительно близлежащих уездов - Темниковского, Балахнинского и других. Эти показатели близки к тем, которые приводит С.В.Бахрушин при изучении источников формирования населения на территории Надеинского Усолья в 30-40 гг. ХУП в.⁴⁷. Таким образом можно говорить об устойчивости основных направлений и размеров миграционного потока. Сложнее судить о бывших владельцах переселенцев, что объясняется сравнительно слабой репрезентативностью источников. Подавляющее большинство переселенцев вышло из сельской местности (80%), остальные были посадскими людьми и казаками. Крестьяне и бобыли жили прежде на государственных землях - 5 семей (II чел.

м.п.), дворцовых - 4,6%. монастырских - 4 /14/, поместных и вотчинных - 5 /16/. Колебания населенности по отдельным селениям вотчины, значительный процент соседей, подсоседников, захребетников свидетельствует о продолжавшемся процессе заселения края. Вывод Н.В. Козловой о том, что беглые средневожского региона в первой трети XVIII в. предпочитали селиться на землях, принадлежащих Дворцу⁴⁸ применителен и для более раннего периода. После того, как земли Спасо-Преображенского монастыря перешли в распоряжение дворцового ведомства население за 1639/40 - 1646 гг. выросло более чем в два раза, а с 1671 по 1678 гг. оно увеличилось на 100 чел.м.п.⁴⁹

Второй этап, конец 40 - середина 80 гг. XVIII в., характеризуется расширением территории формирования населения церкви, появлением новых источников роста. Вполне сравнимыми оказались показатели прироста жителей в церковно-монастырских владениях и интенсивно осваиваемых районах Симбирско-Самарского Поволжья. В 70-х гг. XVIII в. зависимые люди духовенства составляли около одной трети всего населения Симбирского и Самарского уездов⁵⁰.

Продолжало увеличиваться население во владениях самарского Спасо-Преображенского монастыря. С 1646 по 1670/71 гг. число жителей выросло примерно на 200 чел.м.п. и достигло 1106 чел.м.п. (при средней населенности двора 2,5). Прирост шел вследствие естественного воспроизводства и в значительно меньшей степени, чем раньше, за счет беглых.⁵¹

В нашем распоряжении имеются краткие сведения о населении владений патриарха (по рр. Утке и Майне) и костромского Богоявленского монастыря. В 1658 г. по человитью служилых людей Казанского, Свияжского и Теткинского уездов был проведен первый крупный список беглых на территории Среднего Поволжья. В результате выяснилось, что большинство жителей патриаршей вотчины - около тысячи чел.м.п. - ранее проживали в поместьях и вотчинах вышеуказанных уездов. По сводным данным переписи 1678 г. 32 двора было во владениях костромского Богоявленского монастыря⁵².

Наиболее полный комплекс источников, позволяющих исследовать демографические процессы, представлен по промысловому владению Савво-Сторожевского монастыря - Надеинскому Усолью. По сравнению с периодом, когда промысел принадлежал семье Светешниковых, в структуре населения произошли весьма несущественные изменения. Исчезла только группа "воинских людей", появилось значительное число "чувашских

поселенцев". Большинство в вотчине составляли бобыли и работные люди. С 1660 по 1686/87 гг. (к моменту составления писцовых книг) численность населения владения выросла не менее чем в два — три раза и достигла почти 1000 чел.м.п.⁵³ Одним из основных источников населения Надеинского Усолья были беглые. В архиве монастыря сохранилось много спорных дел с окрестными помещиками и вотчинниками "алаторских и других понизовых городов", требовавших вернуть беглых, принятых властями Надеинского Усолья. Поток беглых направлялся из соседних северных и северо-западных районов Среднего Поволжья — Алатырского, Казанского и других. Полученные данные подтверждают вывод исследователей о том, что освоение территории Симбирско-Пензенского района (по классификации Н.В.Козловой) во второй половине ХУП в. шло, как правило, за счет внутренних миграций населения Среднего и нижегородского Поволжья.

Поток беглых был настолько интенсивен, что порой в Усолье скапливалось до 15 семей из владений одного помещика или вотчинника. Иногда сюда самовольно переходили жители из других владений того же монастыря⁵⁴. Получить точные данные о доле "принятых" промышленниками Надеинского Усолья трудно, но не остается сомнений в решающей роли их в увеличении численности населения промыслов.

Крупным источником формирования населения стал перевод людей из других монастырских владений. В Надеинское Усолье направляли отставных стрельцов, монастырских слуг и служебников, служек, конюхов, работников и т.д. Наиболее полный список переведенного населения дан в дозорных книгах Л.Вельяминова. В течение 5 лет за счет переведенных в вотчине прибавилось 28 дворов (57 чел.м.п.), что составляло 7% всего населения⁵⁵. Несомненно, что на протяжении 60- первой половины 70 гг. ХУП в. решающую роль в процессе заселения Надеинского Усолья играли беглые "вольные" переселенцы. Эта тенденция получила развитие уже при первых владельцах Надеинского Усолья. Во второй половине 70-начале 80 гг. монастырские власти все чаще прибегали к перемещению населения из центральных вотчин.

Начиная с 1683 г., вся территория правобережья южнее Симбирско-Курсунской черты до оборонительных сооружений так и не достроенной до конца Сызранской линии, а по берегу Волги почти до Саратова, оказалась в зоне интенсивного развития феодального землевладения с ускоренным протеканием демографических процессов. Это, несомненно, наложило свой отпечаток на особенности формирования населения в монас

тырских вотчинах. Вслед за пожалованиями земель монастырские власти начали предпринимать энергичные меры по их заселению. В конце ХУП-начале ХУШ вв. значительное количество жителей появилось в вотчинах Новодевичьего, Вознесенского, кашпирского Вознесенского, костромского Ипатьева, Воскресенского Новоиерусалимского, Новоспасского монастырей. По приблизительным подсчетам в монастырских вотчинах Симбирско-Самарского края в этот период насчитывалось более 2000 дворов, причем во владениях Новодевичьего монастыря от 500 до 800, Савво-Сторожевского и московского Вознесенского более чем по 300, костромского Богоявленского около 200 дворов⁵⁶. Темпы роста монастырского населения в среднем были ниже, чем в целом по всему региону, но все же оставались весьма значительными. По данным первой ревизии, жители бывших и оставшихся за церковью владений, составляли не менее 18-20% всего населения Симбирского и Самарского уездов⁵⁷. Несомненно, что в начале ХУШ в. это соотношение было значительно выше.

Характерно; что к началу ХУШ в. на территории края существовали очень крупные, как по территории, так и по населению владения. В вотчинах Новодевичьего и Богоявленского монастырей жило в начале ХУШ в. около 20% всего населения монастыря; Савво-Сторожевского и московского Вознесенского - более 15%; приписного к казанскому митрополичьему Дому кашпирского Вознесенского монастыря - 12-14%⁵⁸. Эти данные позволяют сделать предположение о постепенном переносе центра тяжести собственности ряда крупнейших монастырей Нечерноземного Центра на юго-восток, в пределы Среднего Поволжья.

В конце ХУП в. изменился взгляд монастырских властей на принципы формирования населения. Если ранее оно в основном росло стихийно за счет неуправляемого потока беглых, а роль местной администрации сводилась к созданию льготных условий для вновь пришедших, то во второй половине 80-90 гг. ХУП в. большинство владельцев предпринимало планомерные целенаправленные усилия по заселению своих земель. Прежний принцип формирования населения сохранялся с известными оговорками как основной только во владениях Савво-Сторожевского и кашпирского Вознесенского монастырей. Видимо, велика его роль была в Новопречистенской вотчине Новодевичьего монастыря.

Пополнение людских ресурсов во владениях московских Вознесенского, Чудова, Новоспасского, подмосковного Воскресенского, в несколько меньшей степени Новодевичьего и костромского Богоявленского монастырей, осуществлялось путем перевода крестьян из перенаселенного

малоземельного центра страны..Например, в делах Воскресенского Ново-иерусалимского монастыря говорится о том, что на Волгу: "... перевезены крестьяне из монастырских вотчин, пятьдесят пять дворов"⁵⁹. Самы крестьяне Новопречистенской волости уже во второй половине XVIII в. рассказывали "... наперед сего деды и отцы их, также из них некоторые, но самые престарелые уже имели жительство во Владимирском, Вереysком и Углицком уездах, в разных того Новодевичьего монастыря селах и деревнях, а потом, в прошлых давних годах, ... несколько числом душ, переведены и поселены ... в Ново-Пречистенской волости ..."⁶⁰.

Уникальный комплекс источников, который состоит из 5 описаний, страдающих практику управляемого массового перевода жителей из владений в центральных районах страны в приволжскую вотчину, сохранился по московского Вознесенскому монастырю⁶¹. В исторической литературе переселения такого рода практически не рассматривались и поэтому имеет смысл остановиться на этом вопросе несколько подробнее. Подготовка к переселению людей началась зимой - в начале весны 1692 г., а еще до начала распутицы они прибыли на Самарскую Луку. Это была первая партия переселенцев и, естественно, на новом месте им пришлось временно устраниваться в шалашах и землянках. Подавляющее большинство ушедших (60 дворов из 76) продали свои дворы и "дворовое хозяйство", скот, хлеб (озимые), тягло односельчанам или "пришлым" людям. Меньшая часть (10 семей) продала или сдала все своим близким - братьям, отцам за "подмогу" (определенную сумму денег). И наконец, 6 семей ушли из дворов своих родителей, оставляя им тягло. Таким образом, мы наблюдаем переселение, в первую очередь, самостоятельных дворохозяев. Не отмечается стремление убрать из вотчины "лишнее" население путем перевода "брата от брата, сына от отца". Как правило, переселенцам удавалось полностью продать свое имущество, что свидетельствует о перенаселенности монастырских владений центра. Средства, вырученные от продажи хозяйства, составляли от 2-3 до 35 рублей. Из 76-54 семьи получили минимальные средства для обзаведения на новом месте (до 10 рублей). Перевод крестьян осуществлялся "по властину указу", равномерными группами из ряда сел и деревень Владимирского уезда. Новоселам выдавалась ссуда на приобретение посевного зерна и сразу же определялось тягло. Практически никаких особых льгот на новом месте жительства крестьяне не получали. В последующие годы движение населения также шло из сел и деревень Владимирского уезда. В конце XVII в. переселенные крестьяне составили подавляющее большинство

жителей вотчины. Количество принятых беглых было незначительным. При изучении перераспределения жителей в вотчинах Вознесенского монастыря мы наблюдаем только одну категорию населения — крестьян. Нет бобылей, очень мало подсоседников, захребетников, соседей. Новоселы сразу же основывали свои дворы. Происходило как бы "чистое переселение", при котором не было подселенцев, не нужно было "прятать" беглых по дворам.

В качестве одного из вариантов политики переселения можно назвать деятельность властей костромского Ипатьева монастыря. В самом конце ХУП в. монастырские старцы обнаружили в "низовых разных городах" около 550 человек, бежавших из монастырских вотчин Владимирского и Костромского уездов "ст хлебных недородов". Монастырь не решился возвращать их обратно и разместил на пожалованных и вымененных землях в Симбирском уезде⁶². Несколько позднее, в конце первой четверти ХУШ в., аналогичным путем поступили власти суздальского Спасо-Ефимьева монастыря, поселив беглых крестьян на нанятых и вымененных землях в Казанском и Симбирском уездах⁶³. Довольно часто крестьяне, бежавшие из монастырских вотчин в центре страны, сами приходили к старым хозяевам во владения Симбирско-Самарского Поволжья. Такие факты наблюдались в вотчинах Савво-Сторожевского, Новодевичьего, московского Вознесенского монастырей⁶⁴.

Как и раньше приток беглых был весьма интенсивен. Однако их прием в конце ХУП в. был связан со значительными сложностями. А.Г.Маньков, рассматривая организацию сыска беглых как в целом по стране, так и по отдельным регионам (в том числе и по Среднему Поволжью) после Уложения 1649 г., отметил, что в 30-90 гг. ХVII в. ужесточилась правительственная политика, направленная против бегства⁶⁵. Последствия этой политики существенным образом подорвали принципы формирования населения монастырских владений. В 60-первой половине 80 гг. ХУП в. власти Савво-Сторожевского монастыря, находившиеся под покровительством царского дома, практически игнорировали многочисленные жалобы светских феодалов о незаконном приеме беглых. В конце же 80 и особенно 90 годах они уже не могли противостоять усилившемуся напору многочисленных сыщиков, наездам дворянских отрядов. В 1694 г. монастырю удалось только добиться, чтобы сыщики не явля в самой вотчине, а останавливались в ближайших городах и селениях — Самаре, Сызрани, Печерском. Кроме того, сыщики не должны были собирать "пожилые деньги" за принятых беглых. Однако и это не помогало. В 1699 г. монастырские власти

вновь жаловались, что от сыска "... промисел разорился вконец ..." "..." а крестьяне и бобыли ... разбрёдаются ...". Только за последнее десятилетие ХУП в., по дошедшим документальным источникам, в Надеинском Усолъе было проведено три сыска беглых⁶⁶.

На всем протяжении изучаемого периода бегство из приволжских вотчин духовенства было незначительным. Однако известны и исключения. В 1709 г. при осмотре Каменской слободы Ипатьева монастыря в Симбирском уезде оказалось, что все жители, ранее "собранные" монастырскими властями из беглых, покинули вотчины "развеза двory". Подведем некоторые итоги. На протяжении всего ХУП в., и особенно второй его половины, происходил постоянно нарастающий процесс формирования зависимого церковно-монастырского населения на территории Симбирско-Самарского Поволжья. Динамика роста численности жителей владений церкви была значительно интенсивней, чем в целом по стране, но отставала от уровня, характерного для изучаемого региона. До середины 80-х гг. ХУП в. главным источником увеличения численности населения были беглые. Процесс перераспределения происходил в основном в ареале Среднего и нижегородского Поволжья за счет владений светских феодалов. В конце 80-90 гг. ХУП в. по абсолютным размерам начинает преобладать такой источник, как перевод крестьян из монастырских вотчин, находившихся в центральных районах страны. В этот период наблюдаются наиболее высокие темпы прироста населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Энгельс Ф. Юридический социализм//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.495.
2. Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов//Полн. собр. соч. Т.1. С.153-154.
3. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне ....С.59-68; Чекунова А.Е. Вотчинное хозяйство ....С.1.
4. Подсчеты произведены с использованием статистических данных приведенных в работах Я.Е.Водарского: См., например: Водарский Я.Е. Население России в конце ХУП-начале ХУШ века. М., 1977.
5. Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в ХІУ-ХУІ вв.М., 1966.С.357; Тихомиров М.Н. Россия в ХУІ столетии.М., 1962.С.5, 419.

6. Вишняков В.И. Б Рыболовство и законодательство. СПб., 1984. С.436-441.
7. ПСЗ. Т.4. № 1956; № 2007. С.276-278 и др.
8. РО ГБЛ.Ф.303. I.Д.652.Л.1-19; Д.526. Л.2-3,26-29; Степанов И.В. Хозяйственная деятельность .... С.85-87.
9. ЦГАДА.Ф.281.Оп.16.Д.11526.Л.1.
10. Степанов И.В. Хозяйственная деятельность .... С.89-115; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом.М.,1872.Т.2.С.242-243.
11. Тихомиров М.Н. Россия .... С.509.
12. РИБ.Т.ХХХУ.Ч.П.Стб.637; ААЭ.Т.Ш. № 153.
13. РО ГБЛ.Ф.29.Д.128.Л.170-172; ЦГАДА.Ф.1239.Оп.52.Д.1407.Л.41 об., 194-194 об., 225 об.-226; Ф.281.Оп.16.Д.10794.Л.1-3.
14. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11540.Л.1; Д.11550.Л.1; Оп.16.Д.10844. Л.1-5.
15. ЦГАДА.Ф.281.Оп.16.Д.10794.Л.1-3; ДАИ.Т.6. С.304.
16. ЦГАДА.Ф.281.Оп.16.Д.10795.Л.1-3; ДАИ.Т.6.С.304.
17. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11526.Л.1.
18. Юрьев В.П. Жалованные грамоты на рыбные ловли и другие угожья меж Самары и Саратова, данные Чудову монастырю с братией в 1673, 1699 и 1700 гг.// Труды СЧАК.Саратов,1895.Вып.20.С.204-212.
19. Заозерская Е.И. У истоков ...С.180.
20. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11537.Л.3; Д.11536.Л.7.
21. Тихомиров М.Н. Россия ....С.493.
22. РО ГБЛ.Ф.303 I.Д.562.Л.114-116.
23. Бахрушин С.В. Промышленные ....С.232-234.
24. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в ХУП веке//(По материалам южных уездов России). Воронеж,1974. С.79-83.
25. ЦГАДА.Ф.281.Оп.6.Д.6488.Л.1-4;Д.6498.Л.1-8.
26. ДАИ.Т.6.С.303-304; ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11540.Л.1.
27. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11540.Л.1;Д.11540.Л.1;Д.11562.Л.36-38; Ф.1199.Оп.1.Д.66.Л.64-66,72;Ф.125.Оп.1.Д.53.1686 г.,Л.1.
28. Лебедев В.И. Из истории правительственной колонизации Среднего Поволжья в конце ХУП в.// Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985.С.54-60.
29. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11567.Л.3.
30. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11586.Л.1;Д.11574.Л.1-6.
31. ЦГАДА.Ф.281.Оп.16.Д.10833.Л.1-2.

32. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11561.Л.2-2об.,3об.;Д.11585.Л.1-3;Д.11580.Л.1-4;Д.11533.Л.1-4;Ф.280.Оп.3.Д.375.Л.504-504 об.
33. ЦГАДА.Ф.1209.Оп.7.Д.159.Л.38,90,271 об.-272.
34. Чекунова А.Е. Вотчинное хозяйство....С.12; Иванов Ю.Н.Феодальное землевладение....С.13.
35. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11588.Л.2.
36. ЦГАДА.Ф.1209.Оп.7.Кн.159.Л.121,123,128,181об.;Ф.281.Оп.17.Д.11566.Л.1-3;11567.Л.4; Д.11581.Л.1;Д.11588.Л.2-9об.;Д.11561.Л.2-12 и др.
37. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11582.Л.1-2об.; Ф.237.Оп.1.Ч.1.Д.34.1701г.Л.295об.
38. Архив Музея Новодевичьего монастыря.Д.145.Л.5-6.
39. ЦГАДА.Ф.281.Оп.
40. ПСЗ.Т.4.№ 1956.С.232-240.
41. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне....С.120,203,230-231; ОДДС.Т.12.Ч.1.С.97-98.Приложения.С.
42. ЦГАДА.Госархив.Разряд II.Д.70.Л.66об.,70об.,76об.-77.
43. Маркс К.Капитал//Маркс К., Энгельс Ф.,Соч.Т.25.Ч.2.С.346.
44. Перетяткович Г.И. Поволжье в ХУП веке....С.35.
45. ЦГАДА.Ф.1239.Оп.52.Д.1407.Л.42об.,226 и др.
46. ЦГАДА.Ф.1209.Д.6468.Л.22об.-63,63об.-67об.Крестьяне дворцовых владений до 40-х гг. ХУП в. принадлежали монастырям и в 1648 г. вновь были возвращены ему. Поэтому целесообразно считать их монастырскими.
47. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия....С.242-246.
48. Козлова Н.В. Побег крестьян в России в первой четверти ХУШ века (Из истории социально-экономической жизни страны).М.,1983.С.55.
49. ЦГАДА.Ф.1239.Оп.32.Д.1407.Л.44,140-157;Ф.281.Оп.16.Д.10842.Л.3-6.
50. Водарский Я.Е. Население России....С.229.
51. ЦГАДА.Ф.281.Оп.16.Д.10842.Л.3-6.
52. Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины ХУП в.//Труды Института истории РАН.Вып.1.М., 1926.С.336; ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.472.1703 г.Л.18.
53. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11562.
54. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.23.1680 г. Л.3.
55. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11553.Л.22-65.

56. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.472.1703 г., Л.1-16; Д.478.1703 г.Л.1-10б.; Архив Музея Новодевичьего монастыря.Д.145.Л.28;ОДДАС. Т.14. С.875-880; и др.
57. Водарский Я.Е. Население России....С.229.
58. Водарский Я.Е. Церковные организации....; Иванов Ю.Н. Феодальное землевладение ....С.13.
59. ОДДАС.Т.2.Ч.1.Приложение.С.ДЛХП.
60. Архив Музея Новодевичьего монастыря.Д.146.Л.132-133.
61. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11572.Л.121-142об.,159-198.
62. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.2939.1709 г. Л.295-295 об.
63. Слесарчук Г.И. Хозяйство и крестьяне Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века. Автореф.дис....канд.ист.наук. М.,1955. С.14.
64. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11572.Л.1-14,121-142,159-313; ОДДАС.Т.2. Ч.1. Приложение.С.97-98.
65. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVIII века.М.-Л.,1962.С.53-60,71-81.
66. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11587.Л.1-2об.

Г л а в а 2. ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Развитие хозяйства в крупных церковно-монастырских владениях Симбирско-Самарского Поволжья рассматривается на примере земледелия, рыболовства и солеварения как отраслей, игравших определяющую роль в сельскохозяйственном и промышленном производстве.

§ 1. Земледельческое производство

На развитие земледелия на территории края существенное влияние оказывали природные условия — почвенные, климатические, близость путей сообщения. В целом Симбирско-Самарское Поволжье по своим почвенным показателям входило в район с наиболее благоприятными условиями для земледелия. В.В.Докучаев писал: "Как раз посредине Центральной и Заволжской России приходится полоса почв с наибольшим содержанием

гумуса от 13 до 16%. Она захватывает значительные части губерний Саратовской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской, Уфимской и, особенно, Самарской¹. Однако основные пахотные угодья во владениях духовенства в ХУП-начале ХУШ вв. находились на правом берегу Волги, где были менее плодородные, называемые в современном почвоведении "черноземами обыкновенными". На Самарской Луке земледелие велось на темно-серых оподзоленных почвах. По мнению составителей отказных книг Самарского уезда 1641/42 г. они считались "средними"². Лишь в некоторых вотчинах имелась возможность эксплуатировать "тучные черноземы". Например, они располагались небольшим участком неподалеку от Усольских слобод Надвинского Усолья.

Однако в глазах переселенцев, пришедших со скудных земель Нечерноземного Центра едва не все почвы Среднего Поволжья необычайно плодородными. В 1664 г. симбирский воевода И. Дашков сообщил царю "... а земли в тех местах (Симбирский уезд - Э.Д.) самые добрые"³. Об этом же свидетельствуют мнения П.С. Палласа, И.И. Лепехина, составителей топографических описаний и т.д.

Для русского населения вновь были более длительное и жаркое лето, недостаток влаги, засухи, повторяющиеся регулярно с интервалом в несколько лет, характерные для умеренно-континентального климата Симбирско-Самарского Поволжья. По всем этим показателям территорию края можно отнести к районам с рискованным земледелием. В источниках конца ХУП-начала ХУШ вв. по монастырским владениям постоянно упоминаются неурожайные годы. Серьезное влияние на сельское хозяйство оказывали временные особенности климата этого времени, отнесенного специалистами к "малому ледниковому периоду"⁴.

Данные о размерах, степени освоенности, залесенности земель, полученных духовными феодалами, имеются в жалованных грамотах, межевых, писцовых книгах и других документах. За исключением Ипатьева, Новоспасского (Шловская слобода) и Савво-Сторожевского монастырей, прочим вотчинникам были пожалованы неосвоенные, "порозжие", целинные земли. Как правило, это были степные участки с небольшими укреплениями леса. Только во владениях самарского Спасо-Преображенского и Савво-Сторожевского монастырей леса занимали большую часть территории. В большинстве вотчин совершенно не испытывали земельный голод, характерный для центральных узлов страны. Нехватка пашенных земель ощущалась только во владениях московского Вознесенского и костромского Ипатьева монастырей⁵.

В системе феодального хозяйства церковных феодалов необходимо выделить два типа развития земледельческого производства:

- во владениях с промышленным уклоном земледелие длительное время рассматривалось как вспомогательная отрасль;

- в хозяйствах аграрного направления земледелие с самого начала играло ведущую роль.

Первое направление было характерно для вотчин Чудова, Новоспасского, Савво-Сторожевского, отчасти Новодевичьего монастырей. Вследствие отсутствия систематических данных по другим владениям, можно предположить, что типичным образцом развития сельскохозяйственных отраслей производства во владениях с промышленной направленностью была организация земледелия в вотчине Савво-Сторожевского монастыря - Надеинском Усолье. Хозяйственный уклад здесь, начало которому положила промышленно-торговая деятельность семьи Светешниковых (1631/32 - 1660 гг.)⁶ формировался на протяжении почти 80 лет и к концу XVII в. получил в общих чертах свое окончательное оформление. Власти Надеинского Усолья решили проблему обеспечения населения промыслов продуктами земледелия несколькими путями. Во-первых, была заведена владельческая запашка. Кроме того, часть населения вотчины - русские крестьяне, чувашское и мордовское население - получила наделы земли и занималась преимущественно или исключительно земледелием. И наконец, земля отдавалась в оброчное пользование работным людям и бобылям, работавшим на промыслах.

Одним из основных показателей возрастающего внимания монастырских властей к земледелию являются данные о величине монастырской запашки. По данным С.В.Бахрушина при Светешниковых, а также в первое десятилетие после перехода владения к монастырю она составляла 30 четвертей⁷. Полностью нужды промысла в продовольствии такое количество пашни удовлетворить не могло, и еще в начале 70-х гг. XVII в. приходилось завозить в вотчину значительное количество хлебных запасов. В конце 70 годов монастырская запашка выросла до 112 четвертей, а к 1686/87 г., по данным писцовых книг, достигла 417 четвертей⁸. Вряд ли вся земля находилась постоянно в работе. Об этом свидетельствуют материалы "выписок" из приходо-расходных книг по Надеинскому Усолью за 1684 - 1687 годы. В среднем за один год на посев уходило около 300 четвертей зерна, причем озимая рожь составляла менее половины высеваемого зерна⁹.

Размеры монастырской пашни в 80-90 гг. не только позволяли пол-

ностью удовлетворить внутренние нужды, обеспечить хлебом рабочую силу, лошадей и скот, но и давали возможность продвигать значительную часть урожая (100 и более четвертей в год), оставляя при этом значительные запасы на случай неурожайного года (от 4 500 до 1000 четвертей). Постоянное внимание монастырских властей земледелию привело в конце ХУП в. к появлению товарных излишков. Вся монастырская пашня в конце века состояла из участков, закрепленных за отдельными поселениями - общинами. Свободным от обработки этих земель было только население чувашских деревень. Общая площадь "крестьянских и чувашских тяглых", "бобыльских, работничих и крестьянских оброчных" земель в середине 80 гг. составляла 938 четвертей (в одном поле). В среднем на каждый из 30 чувашских дворов приходилось по 8 четвертей, а на одну душу м.п. 3 четверти. Неясно, каковы были наделы крестьянских дворов. Представители этих двух групп населения, видимо, играли основную роль в обеспечении населения вотчины продуктами питания. Ниже была обеспеченность землей бобыльских и работничих дворов. В среднем на один двор приходилось менее 3 четвертей земли, а на одну душу м.п. примерно 0,8 четверти. Внутри этой группы населения имелись значительные колебания в размерах наделов. Для большинства бобылей и работников земледельческие работы являлись второстепенным занятием¹⁰.

Итак, в последние два десятилетия ХУП в. земледелие стало одной из важнейших отраслей хозяйства Надеинского Усолья. Об этом свидетельствует быстрый рост монастырской запашки, вполне сравнимые с другими отраслями размеры производимого продукта. Дальнейшая аграрная переориентация Надеинского Усолья происходила в первой четверти ХУП в.

Хозяйства второго типа можно разделить на две группы. В первой (вотчины самарского Спасо-Преображенского, московского Вознесенского, Новодевичьего монастырей), наряду с преобладанием сельского хозяйства определенной развитие получали промышленные отрасли. Во второй (владения патриарха на рр. Утке и Майне, костромских Ипатьева и Богоявленского монастырей, Воскресенского Новоиерусалимского, кашпирского Вознесенского, Мловской слободы Новоспасского монастыря) - полностью господствовало аграрное производство. Пахотные земли в хозяйствах этого типа распределялись между тяглыми крестьянами и отводились под владельческую запашку. Особый интерес к заведению зернового собственного производства монастырские власти проявили в конце ХУП в. Например, в вотчине Ипатьева монастыря, полученной в 1698/99 г. уже в 1700 г.

монастырские крестьяне высеяли на пашне своего господина 6 четвертей ржи. В 1702 г. посевные площади увеличились до 20 четвертей¹¹. Аналогично поступили власти московского Вознесенского, кашпирского Вознесенского и других монастырей. На размеры владельческой запашки оказывал влияние ряд факторов — количество пригодной земли (ее недоставало в вотчинах костромского Ипатьева и московского Вознесенского монастырей) и работоспособного населения, необходимость обеспечивать продуктами питания промысловых работников (Новодевичий и другие монастыри), попытки производить хлеб для продажи (Богоявленский и московский Вознесенский монастыри) и вывозить в метрополию (Богоявленский монастырь).

О запасах хлеба в монастырских житницах говорят следующие факты. В 1702 г. в амбарах костромского Богоявленского монастыря хранилось 678 четвертей ржи, 240 четвертей овса, 82 четверти ячменя, 64 четверти пшеницы, 50 четвертей гороха¹². Продавали хлеб на достаточно далекие расстояния — яцким казакам — власти моск. Вознесенского монастыря. Даже в неурожайные 1703—1705 гг. в монастырских закромах хранились значительные запасы хлеба (амбар овса " ... который почат для продажи прошлые лет четвертей с полтораста")¹³.

По мнению Е.Н.Ошаниной, поместье и светское вотчинное хозяйство Среднего Поволжья на рубеже ХУП—ХУШ вв. испытывало на себе значительное влияние товарно-денежных отношений. Следствием этого было значительное увеличение владельческой запашки¹⁴. Видимо, это явление нашло отражение и в монастырском хозяйстве.

Основу землевладения зависимого населения в хозяйствах с аграрным направлением развития составляли крестьянские тяглые земли. Удельный вес бобыльских земель был невелик.

Своеобразие природных условий края оказывало существенное влияние на технологию земледельческого труда. Практика сельскохозяйственного производства в изучаемом регионе имела значительные отличия по сравнению с центральными и северными районами страны, где находились основные владения церковных феодалов. Переселенцы, пришедшие в основном из центра страны; представители администрации — старцы, промышленники, приказчики принесли с собой те навыки земледельческих работ, которые господствовали в местах их прежнего проживания. На новых землях происходила известная трансформация старого опыта, приспособление его к новым условиям. Имеющиеся источники позволяют проследить за этим явлением только по собственно владельческому хозяйству в последнее двадцатилетие ХУП в. — начальным периодом ХУШ в.

Переход с малоплодородных, истощенных земель нечерноземного Центра на черноземы Среднего Поволжья позволил, особенно на первых порах, снимать значительные урожаи без применения серьезных агротехнических приемов. Упростилась технология обработки почвы, способы повышения ее плодородия. Совершенно отсутствуют данные об унавоживании полей, об использовании удобрений. Подобные приемы земледелия были характерны не только для ХУП, но и для ХУШ в. Например, во второй половине ХУШ в. воеводы Симбирска, Сызрани, Саратова и других городов доносили о том, что поля в их уездах не удобряются¹⁵. П.С.Паллас и И.И.Лепехин также писали о крайнем упрощении технологии обработки почвы и других земледельческих работ в Среднем Поволжье. Причем, подобные наблюдения были сделаны и на территории Самарской Луки, где ранее, чем где-либо в регионе возникли постоянные очаги земледелия¹⁵. Основным способом восстановления плодородия почвы являлся перелог. В том же сообщении воевод приволжских городов говорится: "А случаетца которая земля будет худо родить хлеб, то земледельцы окую на несколько лет пахать оставляют и пускают в залежь, а вместо той земли распахивают вновь степи, а потом по происшествии нескольких лет ту ж запущенную залежь по-прежнему распахивают и сеют на той хлеб, и чрез то поновление землям делают". Описываемый способ обработки земли относится отнюдь не к классической переложной системе и не свидетельствует о низком уровне или упадке земледельческой культуры. Перелог в данном случае являлся дополнением к повсеместно распространенной трехпольной системе. Зная все передовые для того времени приемы земледелия переселенцы могли достаточно гибко варьировать их, приспосабливаться к местным условиям, получать значительные урожаи с минимумом трудовых затрат. О подобной гибкости земледельческой технологии в отношении основных систем земледелия говорит в своих трудах Л.В.Миров¹⁶. Сведения о "лесе пахотном", о "пашне, лесом поросшей", перелог встречается только в материалах по вотчинам патриарха на Самарской Луке и Савво-Сторожевского монастыря¹⁶. В других владениях земледелие (за исключением костромского Богоявленского монастыря) прошло к тому времени слишком короткий путь, чтобы можно было говорить о каком-то восстановлении почвы.

Господствующей системой земледелия во владениях духовенства края было трехполье. Все земельные угодья, мало-мальски пригодные для ведения сельского хозяйства, описывались в трех полях - "в поле, а в

дву потому ж". Данная структура наблюдается во всех владениях, по которым имеются сведения, как на владельческих, так и на крестьянских землях. Вопрос о структуре трехпольного севооборота решался в каждом хозяйстве по своему. Монашеские власти в своих приволжских владениях скорее всего предполагали завести правильное трехполье с равенством ярового, озимого полей и пара. В 80 гг. власти Савво-Сторожевского монастыря в своих наказах строителям приписных Пурдышевского и Спасо-Зарядского монастырей, подчеркивали необходимость соблюдения равенства ярового и озимого полей. Далее указывалось, чтобы монастырские земли "... пахать все три поля сряду, в одном месте", "хлеб сеяли во время, средним севом, ни часто ни редко"¹⁷. Видимо, подобными соображениями должны были руководствоваться строители Надеинского Усоля. Однако в действительности наблюдались отступления от этого правила. Имея ввиду общепринятые нормы высева зерновых культур, можно говорить об известном отходе от принципа равенства полей. Этот отход был обусловлен рядом причин: частичными неурожаями, недостатком семенного зерна. Совершенно нет данных о размерах парового поля. Несовпадение размеров ярового поля и озимого замечалось многими исследователями аграрной истории страны XVI-XVII вв. и скорее всего было обычным для земледелия того времени. Важным показателем специфики развития сельского хозяйства в регионе является соотношение и удельный вес высеваемых и собираемых зерновых культур. Во владениях духовенства высевались - рожь, овес, ячмень, пшеница, просо, горох, гречиха, полба; из технических культур - конопля. Основной и практически единственной культурой высеваемой осенью, под снег, была рожь. По объему посеянного зерна рожь во всех владениях находилась на первом месте, причем, в старейших хозяйственных регионах ее удельный вес среди других культур составлял от 40 до 50%, а в недавно возникших колебался от 27 до 33%. В новоосвоенных вотчинах также наблюдалась тенденция к увеличению посевов этой культуры. Например, кашпирский Вознесенский монастырь в 1701 г. озимой ржи высевал 12,5 четвертей, а в предыдущие два года соответственно 10 и 7 четвертей¹⁸.

Среди яровых основной культурой являлся овес. По количеству посеянных четвертей он в ряде случаев достигал показателей ржи, но в целом в посеве овес уступал и составлял 41-43% всего высеваемого зерна. На третьем месте находилась пшеница (от 10 до 17% всего посевного фонда). Последней значительной посевной культурой являлся ячмень (5-10%). Посевы преса, гречихи, полбы, гороха не превышали 1-5%. Дополнительные

коррективы в оценку удельного веса отдельных культур в вотчинном зерновом хозяйстве вносят данные о количестве собранного при уборке урожая зерна. Здесь картина в значительной мере меняется. При достаточно благоприятных погодных условиях количество собранной ржи от всего урожая зерновых культур составляло от 54 до 72%, и только вследствие явного неурожая падало в Надеинском Усолье в 1685 г. до 18% (от "великой засухи")¹⁹, а на землях кашпирского Вознесенского монастыря в 1701 г. до 30% ("ржи не родилось, оборотилась травой метликов да лебедов")²⁰. Доля собранного овса при благоприятных для озимых и яровых культур погодных условиях колебалась между 28-32%, при неблагоприятных для озимых условиях достигала 50-60%, а при неурожая для яровых падала до 7-19%. Количество собранной пшеницы держалось на уровне 26%, и только в отдельные годы ее удельный вес снижался до 9%. Менее значительную роль в хозяйстве играл ячмень, удельный вес которого в урожае не превышал 13%. Эти четыре основные зерновые культуры практически создавали продовольственную базу во владениях духовенства²¹. Рассматривая соотношение между количеством посеянного и убранного зерна, пропорции этих культур по отдельным годам, можно установить наличие определенной компенсационной зависимости между ними. Об этом писал Н.Л.Рубинштейн, когда, анализируя данные по сельскому хозяйству феодальной России второй половины XVIII в., он сделал следующий вывод: "... наиболее типичны частичные неурожай, причем в силу зависимости урожаев от климатических условий плохой урожай озимого хлеба большей частью компенсируется в итоговом показателе за год удовлетворительным урожаем ярового и, наоборот"²².

При изучения урожайности по мнению статистиков, наиболее точно выражают действительность данные за восьмилетние периоды, где наблюдается равномерное распределение урожайных и неурожайных лет. В нашем случае этого добиться не удастся. Годовые подборки по отдельным монастырям не превышают трех лет, а в целом данные собраны всего за шесть лет. Наиболее убедительные сведения представлены по Надеинскому Усолью за 1684/85 - 1686/87 гг. При сравнительно высокой средней урожайности ржи (сам - 5,1) обращает на себя внимание амплитуда колебаний урожайности - от сам - 0,86 до сам -8,3. Ниже была средняя урожайность овса, пшеницы и ячменя (соответственно сам -2,5, а по двум последним сам -3,3-3,4). В использовании совокупности этих культур земледельческое хозяйство края в меньшей степени было подвержено воздействию неблагоприятных климатических условий. Средняя урожай-

ность всех культур за три года составила сам-3,8, а по каждому из сельскохозяйственных сезонов соответственно: сам-2,3 (сказался неурожайный год), сам-4,5, сам-4,5²³. Эти данные совпадают со средними сведениями об урожайности, выявленными исследователями по Среднему Поволжью за вторую половину ХУП - первую половину ХУШ вв. (сам 3,7)²⁴.

Материалы об урожайности по вотчинам Ипатьева и кашпирского Вознесенского монастырей близки к вышеприведенным. Более низкий показатель наблюдается по вотчине Ипатьева монастыря в 1700 г. - сам-3²⁵.

Подобные средние данные в "самах" были характерны для Симбирско-Самарского Поволжья на всем протяжении последней четверти ХУП-ХУШ вв. Например, по материалам "Топографического описания Симбирского наместничества" 1785 г. обычный урожай ржи во второй половине ХУШ в. составлял сам-4, а на новых землях достигал сам 9-10. При хорошей же обработке земли урожайность поднималась - ржи и овса в среднем до сам-5, пшеницы до сам-6, ячменя до сам-8²⁶.

При рассмотрении технологии сельскохозяйственных работ в крупной вотчине края становится очевидным, что затраты труда при проведении наиболее трудоемких работ по восстановлению плодородия почвы, при пахоте были значительно выше, чем во владениях духовенства в нечерноземном Центре, на европейском Севере и т.д. Это обстоятельство объясняет примерно одинаковый уровень средней урожайности при разном качестве земель. При том же внимании к земледелию, которое уделялось ему в старых районах расселения, переселенцы должны были получать гораздо более значительные урожаи. По подсчетам исследователей затраты труда земледельца Среднего Поволжья (или Центрально-Черноземного района) в 2-4 раза были ниже, чем в районах "старого" Центра²⁷. У крестьянина-земледельца оказывалось достаточно времени для занятий промыслами, извозом и т.д., у работника солеваренного и рыболовных промыслов его хватало для обработки участка земли.

Наиболее остро вопрос о самообеспечении продуктами земледелия стоял в промысловых владениях, где, как это указывает пример Надеинского Усолья, размеры наделов земли у рабочих людей и бобылей, занятых в рыболовстве и солеварении, были сравнительно невелики. Используя методику подсчетов, разработанную к настоящему времени в исторической литературе²⁸, и учитывая все параметры статей доходов семей бобылей и работников Надеинского Усолья (оплату труда на промыслах, питание за счет монастыря, использование продуктов рыболовства, пере-

распределение продуктов земледелия в вотчине) можно предположить, что в целом население (не говоря уже о монастырском хозяйстве) обеспечивало себя продуктами питания, не прибегая к закупкам продовольствия за пределами владения.

Подводя итоги, нужно отметить, что природные условия Среднего Поволжья, размеры и качество полученных земель позволяли вести во владениях церковно-монастырских феодалов устойчивое земледельческое хозяйство.

К концу ХУП в. сельскохозяйственное производство в вотчинах духовенства не только полностью обеспечивало внутренние потребности населения и вольнонаемной рабочей силы, но и давало возможность получать зерно на продажу.

§ 2. Промысловые отрасли хозяйства

Развитие церковно-монастырского хозяйства на территории края происходило в зоне формирования средневожского центра промышленного рыболовства. Он наряду с Нижним Поволжьем и Поморьем принадлежал к крупнейшим в стране и снабжал своей продукцией население всей европейской части²⁹. Появление таких центров в конце ХУП-ХУШ вв. было связано с развитием товарно-денежных отношений и становлением единого всероссийского рынка.

Рыболовство. Все исследователи рыболовецкого хозяйства выделяют две основные стадии в производстве промысловых работ: первая связана с добычей рыбы; вторая - с ее обработкой и хранением. К вспомогательным необходимо отнести - ремонтные, строительные и другие подготовительные работы.

Лов рыбы производился в течение всего года, который делился на несколько промысловых сезонов или путин. Первая весенняя путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середины мая, до весеннего половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу рыбы на нерест и давала большую часть годового улова красной рыбы - осетров, белуг, севрюг, стерляди, белорыбицы (белая семга). Летнюю - примерно с середины июля и до середины августа и осеннюю - с середины августа до начала декабря - путины промысловики зачастую не разделяли и считали за одну. Зимой ловили подо льдом лосся, небольшие количества красной рыбы, белорыбицы и частика. Выделение четырех

путей в годовом промысловом цикле характерно для рыболовства Нижней и Средней Волги на всем протяжении ХУП - ХІХ вв. Периоду ХУП-начала ХУШ вв. характерна некоторая неразделенность весенне-осенних путей³⁰.

Данные о размерах улова и видах добываемой рыбы на монастырских промыслах в последней четверти ХУП - начале ХУШ вв. подтверждают мнения Б.Б.Кафенгауза, Д.И.Тверской и других исследователей о том, что во второй половине ХУП-первой половине ХУШ вв. на внутреннем рынке России преобладающую роль в снабжении населения ценными сортами рыбы играло Среднее и Нижнее Поволжье³¹. По размерам улова красной рыбы, белорыбцы, стерляди предприятия крупнейших монастырей края не шли ни в какое сравнение с рыболовством в других районах страны (исключая разумеется Нижнюю Волгу и Поморье). Около 90% всей добычи рыбы составляли - белуга, осетр, белорыбца и стерлядь. Если в конце 70-середины 80 гг. между первыми тремя видами было примерное равенство, то в 90 гг. ХУП в. резко возросла добыча осетров, доля которых в общем улове составила от 65 до 80%. Постепенно осетр становился основной промысловой рыбой³².

На протяжении ХУП-ХІХ вв. существовали единые принципы определения сортности рыбы, ее ценности. Например, при добыче белуг и осетров - основное количество пойманной рыбы составляли мерные осетр и белуга, являвшимися как бы эталонными. Белуги, превышавшие эту меру - матерые, косячные, урлючные ценились намного выше. Цена белуг и осетров - полумерных, чалбышей, третниковых и т.д. была значительно ниже их реальной стоимости.

Сравнивая орудия лова в Среднем Поволжье с аналогичными орудиями труда в других рыболовецких районах страны (исключая Поморье и Нижнюю Волгу), необходимо отметить, что качественно новыми были только стряжневые невода больших размеров, позволяющие резко увеличить производительность труда. На промысле Новодевичьего монастыря размеры такого невода достигали 400 сажен. Со времени, "как вода сойдет", им ловили до поздней осени осетровых, белорыбцу и стерлядь. При лове белорыбцы использовали два невода по двести сажен длиной. Такого же размера были частичковые невода. Невода применялись и зимой для подледного лова. Снасти такого размера в ХУП-ХІХ вв. были общеденными в Среднем Поволжье³³. Учуги и езы не нашли применения на Средней Волге. Все прочие средства для лова рыбы отличались чрезвычайным разнообразием. Монастырские ловцы могли вести промысел "неводами и оханами, и сетями, и кормачною, и костылевою, и юртовою, и плавны-

ми 'связочными и летними и зимними ловлями и иными всякими снасть-ми"³⁴. Одним из основных орудий в весеннюю путину были оханы (аханы) - ставные сети, использовавшиеся для лова ценных сортов рыбы.

Из сетных снастей применялись также плавные связочные сети. Значительная часть осетровых, лососевых и стерлядей вылавливалась самоловами. По способу лова - в ванды - часть стерляди так и называли вандовой. Одну из самых ценных и редких рыб Средней Волги - лосося ловили только зимой и, как правило, на удочки - "кармашная снасть".

Центрами управления промыслом, где велась обработка выловленной рыбы, подготовка ее к длительному хранению, находились материалы и оборудование, были рыбные дворы и станы. Первоначально большинство монастырей, ведших промысел в Поволжье, имели такие дворы в приволжских городах, а так же в местах непосредственно близких к рыбным ловлям. На волжском побережье и островах монастыри оборудовали временные станы - легкие постройки для переработки выловленной рыбы. Зачастую они смывались полными водами, подвергались ограблению со стороны "воровских людей"³⁵. Для действительно крупной промысловой добычи рыбы необходимы были основательные рыбные дворы с капитальными сооружениями, с постоянным обслуживающим персоналом. Создание таких дворов могло быть возможным только после распределения побережья Волги, прилегающего к монастырским рыбным ловлям, между отдельными предпринимателями. Как только Чудов, Новоспасский, Савво-Сторожевский, Новодевичий монастыри стали собственниками земель, они приступили к строительству на своих промыслах крупных хорошо оснащенных дворов. Сложности возникли только московского Вознесенского монастыря, так как пожалованные ему рыболовные угодья, находились далеко за пределами его земельных владений.

При значительных размерах "вод" и широком размахе промысла монастырь-предприниматель вынужден был основывать несколько дворов. В середине 80 гг. ХУП в. в Надеинском Усолье функционировали три ватаги (каждая со своим двором или станом) - Жигулевская, Переволоцкая и Лопатинская. В конце ХУП-начале ХУШ вв. обработка рыбы велась также на рыбном дворе Васильчиковской ватаги³⁶. В 1703 г. у Новодевичьего монастыря на рыбном промысле были два крупных двора в Новопречистенской слободе и Белом Яру и два сравнительно небольших рыболовецких стана на Бушуйском острове и на Атрубе³⁷. По данным начала ХУП в. крупные рыбные дворы по своему устройству, размерам и характеру производимых на них работ немногим отличались от волжских рыбных дворов

второй половины XIII—XIX вв.³⁸. Они состояли более чем из десятка больших строений — изб, амбаров, сараев, чуланов, ледников, сушил, поварешин и т.д., обнесенных забором. В состав особенно крупных дворов входил конишенный двор со своими сооружениями. Необходимым элементом рыбного двора был плот площадью до 200 кв.м., на котором производились приемка рыбы, ее сортировка, потрошение и разделка. Через дворы проходила практически вся вылавливаемая рыба. Исключением являлась небольшая часть улова, который высаживался в садки — небольшие озера или отгороженные протоки, — а затем замораживался или вывозился в прорезных стругах. Процесс обработки рыбы делился на ряд операций. Начальными были работы на плоту. К ним относились выгрузка или выливка (мелкой частиковой рыбы), оценка и обмер, "низание" частика на петля, потрошение и разделка крупной рыбы.

Одной из основных операций являлось соленье рыбы, на что уходило значительное количество соли. Например, в Надеинском Усолжье в середине 80 гг. на эти цели расходовалось за год до 3500 пудов; на промысле Новодевичьего монастыря в начале XVIII в. — около 3000 пудов³⁹. Красная рыба, требующая при обработке низких температур, солилась и содержалась в ледниках. Прочая — в специальных теплых помещениях. Часть рыбы коптилась (мтевая рыба) и вялилась. Профессиональных навыков требовало приготовление икры (на астраханских учугах выделялся и высоко оплачивался труд икряного мастера). В качестве отдельных операций можно выделить приготовление клея, жира, вязиги, кавардака и т.д.

Существовали специализированные орудия труда — иглы рыбные, ножи продольные и косячные, солила лубяные и т.д., средства для соленья, получения жира, хранения и т.д. Зачастую для той или иной операции выделялись специальные рабочие помещения. О сравнительной несложности этого оборудования свидетельствуют материалы "Описания..." 1704 г.⁴⁰ Стоимость орудий труда при сравнительно небольших расходах оценивалась на рыбном дворе Новодевичьего монастыря составляла от 18,5 до 26,6 руб.

О размахе работ на монастырских рыбных дворах в конце XVII в. свидетельствует тот факт, что через крупнейшие из них проходило до 10000 пудов рыбы в год⁴¹. При этом нельзя забывать, что основное количество рыбы обрабатывалось в весьма сжатые сроки, во время весенней путины.

При рассмотрении организации труда на промыслах необходимо учи-

тывать работы по ремонту сооружений, снастей, лодок, изготовлению делей, пряжи и т.д. Но в общем бюджете статьи расходов на эти ремонтные работы занимали незначительное место. По мнению И.В.Степанова, амортизация основных сооружений учуга на астраханских промыслах составляла около 10% в год⁴². Видимо, эту цифру можно взять за основу и при изучении подобных процессов на рыбных промыслах Среднего Поволжья. При смотре основных сооружений рыбных дворов и станов Новодевичьего монастыря в 1704 г. их оценили в 28 рублей (оценка, по нашему мнению, занижена)⁴³. Исходя из данных об устройстве ватаг Савво-Сторожевского монастыря, стоимость их должна была быть в 2-3 раза выше. Таким образом, размеры ремонтных работ в стоимостном выражении не превышали в среднем 5-10 рублей в год. Значительная часть материалов, шедших на изготовление ловецких снастей, лодок, орудий труда рыбных дворов - закупалась за пределами монастырских владений в Нижнем Новгороде и других городах.

До сих пор остается мало изученным вопрос об использовании рабочей силы на крупных "неводных" промыслах. В процессе добычи рыбы применялось несколько способов организации рабочей силы. Первую, наиболее крупную группу, составляли наемные подрядные ловцы, получавшие оплату по "залову", в зависимости от количества и сортности добываемой рыбы. Они пользовались собственными снастями и лодками. Такая форма организации труда нашла широкое применение на большинстве промыслов Среднего и Нижнего Поволжья. По мнению Н.Б.Голиковой, эти подрядчики должны быть отнесены к категории мелких ремесленников⁴⁴. Они существенно отличались от прочих рабочих людей тем, что имели собственные средства производства, обладали большей свободой действия. Их взаимоотношения с производственниками строились на иной основе. При оформлении договора составлялись подрядные записи, по которым подрядчик брал в счет будущей работы значительную сумму денег, как правило, превышавшую половину возможного расчета. Например, в 1703 г. из 207 рублей, которые полагались подрядным ловцам промысла Новодевичьего монастыря и частично наемным людям других категорий, при расчете было выдано только 88, 51 руб., а остальные оказались розданными в задаток⁴⁵. Случалось, что некоторые из таких подрядчиков не могли отработать даже аванс и с них по "ловецким записям" брали "недоловные". Обычно "недоловные" деньги были невелики. Это свидетельствовало о стабильности, предсказуемости рыболовства на Волге. Рыба, пойманная подрядными ловцами, принималась по определенной цене.

Следует отметить, что в течение последней четверти ХУП-начале ХУШ в. закупочные цены на рыбу практически оставались постоянными, несмотря на то, что рыночные заметно выросли.

Богатейшие запасы ценных сортов рыбы в Волге, сравнительная легкость ее добычи позволяла держать закупочные цены на довольно низком уровне. Например, на камских промыслах Савво-Сторожевского монастыря в 60 гг. ХУП в. стоимость выловленной подрядными ловцами мерной белуги была гораздо выше и составляла от 24 копеек за летнюю рыбу до 33 копеек за осеннюю⁴⁶. Трудно судить о количестве подрядных ловцов, занятых на монастырских промыслах. Косвенно на значительное их число указывают большие суммы денег, выплачиваемые этой категории работников. На крупнейших промыслах, каковыми были рыбные ловли Надеинского Усолья в середине 80 гг. ХУП в., в среднем за год подрядные ловцы получали до 650 рублей⁴⁷. В связи с общим ростом добычи рыбы на промыслах Савво-Сторожевского, Новоспасского, Чудова монастырей в конце ХУП-начале ХУШ вв. соответственно росли и суммы "заловных" денег. Как был организован труд подрядных ловцов, насколько самостоятельны они были в своей промысловой деятельности, неизвестно.

На рыбных промыслах существовала еще одна форма найма (часть работников в хозяйстве Новодевичьего и Вознесенского монастырей, дворцового ведомства, Ф.Ромодановского). Это работные люди, обслуживающие крупные невода. Работа с каждым таким неводом требовала значительно количества обслуживающего персонала - от 12 человек на неводах в 200 сажен до 22 человек на стражневых неводах длиной в 400 сажен. Специальной квалификацией среди работных людей обладали неводчик и, пожалуй, пятчик. Найм производился на год (исключались зимние месяцы) с повременной оплатой. На промысле Новодевичьего монастыря в 1703 г. насчитывалось 46 человек, определенных на такого характера работы⁴⁸. На монастырском промысле труд этой категории работных людей оценивался значительно ниже, чем у светских феодалов или на дворцовых ловлях⁴⁹. Видимо, духовенство использовало зависимых монастырских работников.

В значительно меньших масштабах использовался на рыбных ловлях Новодевичьего монастыря труд подрядчиков, ловивших на "песках" из "третьей рыбы" и крестьян, добывавших рыбу "изполу"⁵⁰.

Разделение труда на рыбных дворах не зашло так далеко, как может показаться при перечислении операций или видов продукции, получаемой из рыбы. Об этом свидетельствует перечень профессий. На рыбных дворах

работали только "ватажские рыбные разделщики" и "прочие" работные люди. Практически выделяется только одна, требующая более высокой квалификации, профессия — рыбный разделщик. Данных об оплате труда разделщиков и работных людей нет. В 1685/86 — 1686/87 гг. в Надеинском Усоле суммарный заработок ватажских разделщиков и работных людей достигал 80—90 рублей. Принимая годовой размер заработной платы одного работника на промыслах светских владельцев — от 2,5 до 5 рублей — можно предположить, что в Усоле на рыбных дворах было занято от 25 до 35 человек⁵¹. На два рыбных двора Новодевичьего монастыря на сезон нанималось четыре рыбных разделщика и 12 ватажских работных людей⁵². Система авансов была распространена и среди этой категории работных людей. Кроме денежной оплаты, ватажские работники столовались за счет монастыря.

О работниках, занятых на ремонтно-строительных работах, сведений в источниках сохранилось крайне мало.

Таким образом, анализируя использование рабочей силы, занятой на добыче и обработке рыбы, вряд ли можно говорить об устойчивом разделении труда, о четком выделении отдельных операций, о наличии значительных групп профессионально грамотных работников — руководителей и квалифицированных исполнителей отдельных операций. К последним можно отнести только неводчиков, ватажских разделщиков и, в какой-то мере, пятчиков. В основном же, на промысле работала малоквалифицированная масса людей. Типичным представителем этой категории был один из отставных стрельцов, посланных в 1676 г. из Савво-Сторожевского монастыря в Надеинское Усоле, где он "...работал разную работу", в 1676 г. "... был на Усе..." на монастырском дворе...", затем перешел в Усоле, а из Усолья ушел к "лову", работать на рыбный двор⁵³.

За исключением группы квалифицированных рабочих, из года в год занимавшихся своим делом, состав подсобных работников был весьма нестабильным.

О количестве наемных людей, занятых в рыболовстве, можно говорить приблизительно. На промысле Новодевичьего монастыря, на временной работе с неводами было занято 46 человек, на рыбном дворе работало 16 человек⁵⁴. Практически невозможно учесть подрядчиков, вылавливающих большую часть рыбы, издольщиков, ловивших из "третьей рыбы" и т.д. Скорее всего, число одновременно занятых на промысле в весенне-осенний период достигало 100 и более человек. В Надеинском Усоле, где среднегодовой объем выплат за "уловную рыбу" состав-

лял около 700 рублей, число наемных людей было значительно большим. Предположительно, что в конце ХУ в. на пяти крупнейших промыслах Среднего Поволжья — Чудова, Новоспасского, Савво-Сторожевского, Новодевичьего и московского Вознесенского монастырей в весенне-осенний период рыбной ловлей одновременно занималось около тысячи человек. В среднем единичный монастырский промысел Среднего Поволжья по численности рабочей силы вполне сравним с крупными неводными ватагами Нижнего Поволжья первой четверти ХУШ в.⁵⁵

По мнению исследователей, в Нижнем Поволжье в ХУП—начале ХУШ вв. использовалась, как правило, вольнонаемная рабочая сила. Только сравнительно немногочисленная группа квалифицированных работников формировалась из зависимых людей⁵⁶. Подобный принцип комплектования наблюдался и на промыслах Среднего Поволжья у тех предпринимателей, которые не имели на волжском побережье населенных владений. Власти Чудова, Новоспасского, нижегородского Благовещенского и других монастырей посылали к "рыбным ловлям" старцев, промышленников, слуг, наиболее доверенных людей, а всех остальных работников подбирали на месте.

Гораздо сложнее вопрос о характере найма рабочей силы решался в хозяйствах вотчин, где жило постоянное зависимое население. Рассмотрим его на примере Надеинского Усолья. В писцовой книге вотчины 1686/87 г. при перечислении профессий работных людей и бобылей (хозяев дворов) говорится о 22 "рыбных ловцах и ловельщиках", 2 рыбных разделщиках и I струговом кормщике⁵⁷. Однако количество жителей Усолья, принимавших участие в лове и обработке рыбы, было более значительным. Об этом свидетельствует ряд косвенных данных⁵⁸. Так или иначе подавляющее большинство бобыльского и работничьего населения промыслов использовалось в двух основных отраслях — рыболовстве и солеварении. По отношению к нему можно говорить о "принудительном оплачиваемом труде зависимого населения". Однако в отличие от солеварения в рыболовстве роль сторонних вольнонаемных людей была более значима.

Данные по владениям московского Вознесенского и Новодевичьего монастырей также позволяют говорить об участии жителей вотчин в промысловых работах. На промысле Новодевичьего монастыря монастырские крестьяне и бобыли работали на рыбных дворах, с неводами, зимой на подледном лове и т.д. Но среди подрядчиков, ловивших "по залову", грядимо, большинство принадлежало к вольнонаемным⁵⁹.

Рассматривая бюджеты и рентабельность монастырских рыбных промыслов Симбирско-Самарского Поволжья в конце ХУП-начале ХУШ вв., можно сделать следующие выводы. В конце ХУП в. пять крупнейших монастырских промыслов давали рыбы и припасов примерно на десять тысяч рублей (по московским и нижегородским ценам того времени), чистая прибыль составляла около 4,0-4,5 тысяч рублей⁶⁰. По этим показателям в совокупности они не уступали дворцовым рыболовецким хозяйствам Нижнего Поволжья, значительно превосходили монастырские промыслы Поморья⁶¹, но ни в какой мере не могли соперничать с астраханскими и яицкими учугами⁶². На один затраченный в монастырском промысловом хозяйстве рубль приходилось от 1,5 до 2,2 рублей прибыли.

Об уровне развития производительных сил на волжских промыслах свидетельствует соотношение расходной части годового бюджета по рыболовецкому хозяйству Савво-Сторожевского и Новодевичьего монастырей. Оплата труда людей, занятых на добыче и обработке рыбы составила от 40 до 45% всех расходов. Вся же сумма расходов на заработную плату, учитывая расчеты с возчиками, доходила до 70-80%. Затраты на восстановление оборудования не превышали 3-8%. Данные о внутренней структуре промыслового хозяйства Новодевичьего монастыря в 1703 г. - стоимости сооружений и оборудования рыбных дворов, оборудования для добычи рыбы - снастей и лодок; соли, необходимой для соления рыбы, затратах на оплату рыбным ловцам и ватажным работникам также свидетельствует о высоком уровне переменной части "капитала". И все же для изучаемого региона вряд ли являются приемлимыми выводы Н.Б.Голиковой о примитивном и дешевом оборудовании, низкой организации труда, сделанные ее при изучении "неводного" предпринимательства Нижней Волги в первой четверти ХУШ в.⁶³ При рассмотрении промыслового рыболовства необходимо учитывать историю этой отрасли, уровень ее развития по всей территории страны. На наш взгляд, главные рыбные промыслы Среднего Поволжья необходимо отнести к крупной кооперации с определенными элементами устойчивого разделения труда⁶⁴.

Важнейшей особенностью монастырского рыболовецкого хозяйства региона являлось то, что оно не давало в метрополию значительных свободных денежных средств. Промыслы являлись поставщиками крупных, на сумму до тысячи рублей партий рыбы и рыбных припасов, шедших "про обиход" монастырской братии⁶⁵. Несмотря на то, что вся остальная продукция продавалась, средства от продажи шли на восполнение внутренних потребностей промысла. Для расширения хозяйства требовались до-

полнительные финансовые инъекции из метрополии. Вывоз продукции на рынок имел прежде всего задачу обеспечения промысла необходимыми средствами на следующий хозяйственный сезон⁶⁶. Данный вывод остается в силе, несмотря на то, что в приходо-расходных книгах самих монастырей имеются указания на крупные суммы средств, поступающих в монастырскую казну от продажи рыбы и рыбных продуктов. Изучение бюджетов промысловых хозяйств показывает, что в подобных случаях происходило перераспределение средств и недостающие денежные ресурсы в рыболовстве (ушедшие в казну метрополии) восполнялись за счет доходов от других отраслей, например, солеварения. Такая роль рыболовецких промыслов крупнейших монастырей страны как поставщиков потребительских стоимостей для нужд клира сохранялась при общем объеме производства продукции до 3000 рублей. Чистый доход при этом (при сравнительно стабильных размерах статей прихода и расхода, характерных для промыслового хозяйства Средней Волги в конце ХУП-начале ХУШ вв.) в среднем не превышал 1000 рублей в год, что в стоимостном выражении составляло потребности монастыря в рыбе и рыбных продуктах⁶⁷. Более высокий уровень производства на промысле Савво-Сторожевского монастыря в начале ХУШ в. был достигнут в совершенно иных условиях, когда монастырское хозяйство перешло под управление государства⁶⁸.

Продажа рыбы осуществлялась на местах обработки и хранения - на самих рыбных дворах, в Нижнем Новгороде, на Макарьевской ярмарке и в Москве. Порой крупные партии рыбы по договоренности отправлялись в соседние монастыри. Например, в 1676 г. усольский промышленник Л. Моренцов послал вверх по Волге струг с рыбой "по монастырский обиход". В этом струге везли крупную партию рыбы (на 600 руб. по рыночным ценам) для Новодевичьего монастыря⁶⁹. Значительное количество рыбы продавалось на монастырских рыбных дворах. В основном это была свежая рыба осеннего и зимнего лова, практически весь улов стерляди, частиковая рыба. В 1703 г. на рыбных дворах Новодевичьего монастыря выручка от продажи составила 220,9 руб.⁷⁰ Несмотря на более низкие цены по сравнению с московскими и нижегородскими, продавать улов на месте промысла было выгоднее, т.к. экономилась сравнительно крупные средства, затрачиваемые на провоз. Однако отсутствие спроса не всегда позволяло это сделать.

Большая часть улова продавалась в Нижнем Новгороде и Москве. Струга с рыбой в Нижний Новгород отправлялись осенью в конце августа - начале сентября. Рентабельность таких торговых "экспедиций" была

несомненной. По данным 1686/87 г. от рыбы, проданной в Нижнем Новгороде, доход на один рубль затрат составлял примерно 1,9 руб.. Размах таких операций был весьма значительным. В том же году в Нижнем Новгороде за рыбу Надеинского Усолья выручили 761,4 руб. и на 863,7 руб. отправили в монастырь. В 1706 г. продано в Москве и отправлено в Смоленск и Дорогобуж рыбы на 2558,2 руб.⁷¹ Рыночные цены в Москве и в Новгороде были примерно равны и в несколько раз превышали закупочные. В последней четверти XVII-начале XVIII вв. наблюдается тенденция к росту рыночных цен.

Значительные сложности представляла транспортировка рыбы и рыбных припасов в Н.Новгород, Москву, подмосковные монастыри. Летом и зимой рыбу до Н.Новгорода, а порой и до Москвы, отвозили на стругах. Это был наиболее дешевый и удобный вид транспорта. Зимой, с монастырских промыслов и из Н.Новгорода, рыба вывозилась на наемных подводах. На примере перевозок из Надеинского Усолья в последней четверти XVII в. можно определить, что затраты на оплату труда возчиков составляли около четверти всей расходной части бюджета промысла. В начале XVIII в. объемы перевозок значительно увеличились. Например, зимой 1706 г. из Нижнего Новгорода в Москву была отправлена с рыбой и припасами Надеинского Усолья 231 подвода. На них вывезли 6771 пуд. груза общей стоимостью 2565 руб. по рыночным ценам. Всего за перевозку было заплачено 227,1 руб., в среднем за 1 пуд 0,035 руб.⁷² При перевозке рыбы непосредственно с промыслов подводная повинность ложилась на плечи монастырских крестьян, бобылей, рабочих людей.

Солеварения. В отличие от рыболовства солеварение получило развитие только во владениях Савво-Сторожевского монастыря - Надеинском Усолье. Интерес представляет высокий технологический уровень производства и степень его воздействия на экономику монастыря.

Несмотря на то, что добыча соли велась на Самарской Луке с глубокой древности⁷³, первым основателем крупного, хорошо оснащенного технически и организованного предприятия был в конце первой трети XVII в. богатый ярославский промышленник Надея Светешников. В 1660 г. "варничные заводы" перешли к Савво-Сторожевскому монастырю, а после секуляризации церковных владений в начале XVIII в. потеряли промышленное значение. Надеинское Усолье, названное так по имени своего первого владельца, по масштабам производства значительно уступало большинству солеваренных центров страны. Но по своим абсолютным размерам, по количеству добываемой соли, по числу занятых на промысле людей и органи-

зации их труда, по получаемой от реализации готового продукта прибыли — это было крупное для своего времени единичное предприятие добывающей промышленности. При анализе предприятий типа необходимо учитывать специфику солеваренного промысла, где в одном месте, на протяжении одного временного отрезка полностью осуществлялось изготовление готового продукта, необходимого массовому потребителю, а сам процесс выварки соли являлся только конечным пунктом единого производственного цикла, состоящего из операций по получению рассола, заготовки дров, постоянной наладки и ремонта оборудования. При этом единичную варницу необходимо считать одним из агрегатов большого производственного процесса. Такой точки зрения придерживаются многие из исследователей, непосредственно занимающиеся изучением солеварения⁷⁴.

По своей технической оснащенности, технологическим особенностям производственного цикла соляной промысел Надеинского Усолья близок к пермскому типу, бывшему наиболее прогрессивным в стране⁷⁵. Н.Светешников, имевший свой солеваренный промысел в Соли Камской, естественно, не стал строить варницы устаревшей конструкции, которые характерны были в конце XVII—первой трети XVIII вв. для большинства солеваренных центров страны. Период расширенного производства на промысле можно отнести только ко времени его становления — 1631—1645 гг. В последней четверти XVIII в. прослеживается тенденция к снижению уровня производства, часть оборудования простаивает⁷⁶. Более ранние попытки монастырских властей организовать производство соли на камских промыслах, в устье р.Ик, не были удачными, и поэтому монастырь, получив Надеинское Усолье, не стал изменять техническое оснащение уже налаженного производства. Даже названия варниц и те оставались до конца XVIII в. неизменными.

Добыча соли велась на сравнительно небольшой территории правого берега р.Усолки, между рекой и северо-западной оконечностью Жигулевских гор⁷⁷. Здесь, вдоль узкой террасы, по бичевнику, было множество соляных ключей. Выяснение условий залегания соляных пластов и характера истечения соленосных потоков позволили реконструировать первый этап солеваренного производства — получение рассола из недр земли с помощью соляных труб. Н.Светешников пытался первоначально осуществить бурение довольно глубоких скважин, как это было на его промыслах в Соли Камской или Костромском уезде. Подобные попытки не могли дать положительного результата, так как залежи каменной

соли и линзы, заполненные насыщенным раствором соли, находились далеко в стороне от места выхода на поверхность соляных ключей, а соленосные потоки, спускавшиеся под землей параллельно руслу р. Усолки, имели небольшую мощность⁷⁸. В Надеинском Усолье необходимы были неглубокие скважины в местах выхода из-под земли соляных ключей. Остатки колодцев и труб для выкачки рассола описали П.С. Паллас и И.И. Лепехин, геолог П.Н. Ефимов⁷⁹. Всего таких колодцев насчитывалось шесть. Способы получения рассола из скважин, подачи его к варницам и хранения практически не отличались от исходных на других промыслах. Концентрация рассола из соляных ключей составляла 5% и была значительно выше, чем в большинстве старых русских центров солеварения, но значительно уступала рассолам Серегова и Сали Камской⁸⁰. Качество вывариваемой соли не могло быть хорошим из-за большого количества примесей.

Второй крупной технологической операцией в процессе получения соли была заготовка дров. Потребность в топливе восполнялась за счет богатых местных ресурсов - сосновых и лиственных лесов Самарской Луки. При Светешниковых заготавливались сосновые и липовые дрова, при монастырских властях только сосновые. По способам заготовки и доставки к промыслам их можно разделить на два типа. "Сосновые плавающие задельные дрова" рубили в три задела, затем собирали в плотбище и по весенней высокой воде отправляли к варницам. "Сосновые самосушные перелетные дрова" заготавливали зимой, оставляли до следующей зимы в лесу, а затем вывозили на лошадях. Неожиданно выглядит количество потребляемых дров на одну варницу - от 140 до 150 сажень⁸¹. В то время как в основных районах солеварения страны в ХУП в. с одной сажени сжигаемых в варнице сосновых дров вываривалось не более 10-15 пудов соли (а из малоконцентрированных рассолов и того меньше)⁸², в Надеинском Усолье это соотношение составляло один к сорока. Кроме того, за заготовку одной сажени дров монастырские власти платили в несколько раз дороже - 0,5-0,7 руб. - чем на других солеваренных промыслах. Логичнее всего предположить, что длина дров, которая в солеварении имеет свои стандарты, у нас более значительна.

Центром, сердцем солеваренного промысла являлась варница. При Светешниковых одновременно работало не более шести варниц, хотя всего насчитывалось десять варничных мест⁸³. Шесть действующих варниц под теми же названиями упоминаются в документах второй половины ХУП в. Однако в последней четверти века из них постоянно работало только

четыре. Все варницы находились в трех сараях, каждый из которых был разделен посередине стеной и служил сразу для размещения двух варниц. Такое устройство варничных помещений для других промыслов страны в изучаемый период было характерно. Отсутствуют сведения о размерах цренов, но судя по количеству полиц, потребляемых для их ремонта, величина местных цренов не уступала самым большим из использовавшихся в стране — пермским. За год на одной варнице производили в среднем 42 вари. С каждой вари, продолжительностью от 4 до 7 дней, получали 140—145 пудов соли. Такая длительность вари или "наряда" в ХУП в. наблюдалась и в других солеваренных центрах — в Старой Руссе, Тотьме, в посадских варницах Соли Галицкой⁸⁴.

Любопытное описание процесса получения соли в Надеинском Усолье оставил в 1669 г. английский путешественник Я. Стрейс. Он писал: "... мы остановились у соляной горы, где расположились две недавно отстроенные деревни. Мы увидели много соляных котлов и котловин, где под жаркими лучами солнца образуются большие залежи соли, которые отправляют большими партиями вверх по Волге. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли"⁸⁵. Видимо, в это время соль получали не только в специальных варницах, но и в более примитивных сооружениях под открытым небом. Судя по данным последней четверти ХУП в. средняя производительность каждой из действовавших в то время четырех варниц составляла 5800 — 6000 пудов соли в год. Так как устройство варниц на протяжении всего времени существования промысла не менялось, то подобная производительность была постоянной. На нее влияли три фактора: насыщенность раствора, размеры цренов и время работы варницы в течение года. При одновременно работавших всех варницах Надеинского Усолья на них вываривалось 35—36 тысяч пудов соли. В последней четверти ХУП в. на четырех варницах за год получали примерно 23—24 тысячи пудов. Таким образом, хотя каждая единичная варница промысла практически не уступала аналогичным устройствам (при одинаковой насыщенности раствора) других предприятий, размеры производства на Средней Волге по своим масштабам не могли конкурировать с другими центрами русского солеварения и не имели, по крайней мере во второй половине ХУП в., серьезного влияния на экономику страны.

Постоянная эксплуатация оборудования промыслов требовала частого проведения ремонтных работ. Наиболее уязвимым звеном в варницах были црены, капитальный ремонт которых производился не менее одного раза

в I-I,5 года, текущий - гораздо чаще. Ремонтные работы являлись обыденным, регулярным занятием, на которое отвлекалась значительная часть сырья, денежных средств и рабочей силы (до I7-I9% всех затрат годовой расходной части бюджета солеваренной отрасли хозяйства). Полицы, цренные гвозди и т.п. частью изготовлялись на месте, а в основном закупались. Прочие ремонтные работы - починка зданий варниц, крыш, колодцев, печей и т.д. - требовали гораздо меньше усилий и проводились время от времени.

Данные об использовании рабочей силы на соляном промысле пре Светешниковых приведены в работе С.В.Бахрушина⁸⁶. Первые хозяева промысла сочетали труд зависимого населения с трудом свободных людей, причем наблюдалась тенденция к увеличению доли труда зависимого населения. Оплачиваемый труд был широко распространен даже среди этой категории работников. Свободные наемные люди, как правило, имели более высокую квалификацию. После перехода Усоля к монастырю (по данным последней четверти ХУП в.) резко возросла роль труда зависимого населения. В 80-90 гг. ХУП в. свободные люди практически не работали на промысле. Необходимо отметить, что фактически труд всех зависимых людей, занятых в трудовом процессе, оплачивался. Подобная система встречалась и на других промыслах страны⁸⁷ и может быть определена как "принудительный оплачиваемый труд зависимого населения".

В профессиональном составе рабочей силы, занятой непосредственно в процессе солеварения, по сравнению со временами Светешниковых не произошло особых изменений. Появились только водоносы, но в первой половине ХУП в. эту работу скорее всего выполняли бобыли. Каждую варницу обслуживало II человек, работавших в две смены. Нет сведений о количественном соотношении представителей отдельных профессий, об оплате труда единичного работника. Сводные данные о годовой заработной плате всех работников варниц - 44 человек - показывают зависимость ее от числа варь и количества вывариваемой соли. В среднем за год эти люди получали от I20 до I30 рублей или I7% всех затрат расходной части бюджета соляного промысла. Оплата труда рабочих, занятых на производстве соли, по сравнению с рядом других промыслов (в том числе и со временем Светешниковых) была низка. Даже при учете того, что труд неквалифицированной рабочей силы использовался время от времени и за свою работу каждый из неквалифицированных рабочих получал не более I-I,5 рублей в год, на долю основных работников приходилось в среднем 4-5 рублей. Трудно найти аналоги подобной оплате на других промыслах⁸⁸.

Казалось бы странным, что в "выписях" из приходо-расходных книг Надеинского Усолья отсутствуют данные об оплате труда трубных масте-ров, хотя эта профессия упоминается в писцовых книгах. Оплата труда этой категории рабочих могла проходить по статье "оплата труда слуг". Противоречивость в сведениях о количестве рабочей силы, занятой в операциях по добыче рассола и выварке соли, приведенных в приходо-расходных книгах и "выписях" из них и в писцовой книге 1686/87 г. (в последней насчитывалось едва ли не в три раза больше работников) объясняется следующим. Если в приходо-расходных книгах учтены только те работники, которые обслуживали процесс солеварения в данный момент в год, за который велись записи, то составители писцовых книг при указании профессий хозяев дворов не учитывали, занят ли тот человек в настоящий момент на промысле или работал там раньше. Кроме того, авторы писцовых книг зачастую фальсифицировали количество дворов и социальную структуру населения. Наиболее достоверными в писцовой книге являлись сведения о составе профессий, а не о количестве людей, относивших себя к той или иной профессии⁸⁹.

Серьезное значение придавалось организации рабочей силы при заготовке дров. Здесь также использовались наемный труд и денежная оплата. Основные работы выполняли работные люди и бобыли. По-видимому, более квалифицированная рабочая сила требовалась при заготовке плавяжных дров. Существовала особая профессия - дровяные задельщики. Они должны были рубить лес, свозить его на берег реки и сплавлять к варницам. За свою работу дровяные задельщики получали большую оплату (в пересчете на сажень заготовленных дров), чем бобыли и работные люди, заготавливавшие гужевые дрова. Кроме того, часть заработной платы выдавалась солью (примерно два пуда за сажень). Значительная сумма денег выплачивалась в виде задатка, а окончательный расчет производился только после завершения работ. Заготовка гужевых дров осуществлялась на несколько других условиях. Нанимающиеся получали почти всю сумму денег сразу (это уже не задаток, а что-то вроде отработочной ссуды) и должны были заготавливать дрова на всю их стоимость. В случае, если заготовленных дров будет недостаточно, неотработанные деньги возвращались назад. Заготовка гужевых дров была весьма длительным делом, растянутым на несколько сезонов. Недаром дрова называли "самосушными и перелетными". Этим, видимо, и объясняется подобная практика расчетов. Для регистрации сделок писались спе-

циальные подрядные записи. Особо выделяемой профессией, как это было при заготовке сплавных дров, не существовало. Вряд ли эти работы выполняли варничные дровозы, о которых говорится в писцовых книгах. Количество людей принимавших участие в заготовке дров неизвестно, но, скорее всего, их было значительно больше, чем работников, занятых непосредственно в процессе солеварения. Суммы затрат на оплату наемной силы при заготовке дров по годам были очень велики и составляли основную часть расходов на соляном промысле — в среднем 426 руб. в год или 54—57%.

Следующей и, пожалуй, последней крупной отраслью, где использовалась наемная оплачиваемая сила, были ремонтные работы. Наиболее квалифицированные рабочие — цренные мастера — занимались ремонтом старых и изготовлением новых цренов. Труд этих мастеров оценивался очень высоко. Заработная плата составляла до 10 руб. в год на человека. Значительная часть полуфабрикатов — полиц, цренных гвоздей — изготавливалась в местных кузницах. На промысле существовала особая профессия — полицные мастера. По всей видимости, кузнецы не являлись в прямом смысле наемной рабочей силой. Скорее всего, это были ремесленники, с принадлежащими им орудиями производства. Кроме заказов монастырских промышленников, они выполняли еще работы для местного населения. Кто производил ремонт печей, варниц, труб, амбаров — неизвестно. Изготовление кирпича для печей велось на месте — этим занимался кирпичник. Подробных сведений об оплате труда всех этих специалистов не зафиксировано. Доля неоплачиваемых работ на промысле была незначительной. Об этом косвенно свидетельствует весь комплекс сведений. Подавляющее большинство основных и вспомогательных работ в соледобывающем производстве выполнялось наемной рабочей силой за денежную плату.

По профессиональному составу рабочей силы Надвинское Усолжье среди других центров солеварения ничем особым не выделялось. В таких наиболее важных производственных операциях, как добыча рассола, выварка соли, ремонт оборудования — руководителями являлись работники с высокой профессиональной подготовкой, — трубные мастера, повара, цренные и полицные мастера. Перед нами возникает предприятие с достаточно разветвленной устойчивой структурой рабочих мест, разработанной системой оплаты труда, выделением целого ряда профессий. Численно малоквалифицированная рабочая сила преобладала, но основную роль на промысле играли профессионально хорошо подготовленные

рабочие. Тип предприятия с подобной организацией труда был возможен только при условии достаточно крупных размеров производства. Необходимо отметить, что на других промыслах страны на одной варнице работало меньшее количество людей⁹⁰.

Анализ статей расходов солеваренного промысла ("скрытые" неучтенные затраты, по нашим подсчетам, невелики и не превышают 10-12% всей суммы расходов) позволяет считать, что подавляющее большинство средств тратилось на оплату труда (без учета оплаты перевозок соли, которые в среднем на одной варнице доходили до 150 руб. и составляли около 80% всех расходов). Судя по оплате, наибольший объем работ производился при заготовке дров - примерно 54-58% всех затрат. Попытки систематизировать статьи бюджета, как это сделано у Н.В. Стыгова, в нашем случае не дают репрезентативных результатов из-за малочисленности данных⁹¹.

Общие доходы от солеварения значительно превышали расходы. В середине 80 гг. ХУП в. в Надеинском Усолье в среднем для функционирования одной варницы затрачивалось 185-190 руб., а соли вываривалось на ней на 396 рублей. Соответственно на весь промысел 739-755 руб. и 1584 руб. Без учета "скрытых" расходов доход на вложенный в промысел рубль составлял 2,09-2,14 руб.

На протяжении всего изучаемого периода промысел имел товарный характер. Основные свободные денежные средства в бюджете - чистый доход, в среднем за год около 650 руб., казна Савво-Сторожевского монастыря получала именно от солеварения⁹². Солеваренный промысел Надеинского Усолья выходил далеко за рамки производства необходимых для монастырских вотчин продуктов потребления. Лишь небольшая часть добываемой соли использовалась внутри монастырского хозяйства: для соления рыбы, расчетов с заготовителями дров и т.д. (примерно, 9% от всей добычи). Товарный характер солеварения, давшего свободные денежные средства, был вполне естественен для изучаемого периода и наблюдался также в Усолях других монастырей. Например, доходы от соляного промысла Кирилло-Белозерского монастыря составляли около половины всего монастырского денежного дохода⁹³.

Соляной рынок Надеинского Усолья, насколько его удается проследить в последней четверти ХУП в., был весьма обширен и охватывал значительную часть территории страны. Несмотря на то, что более половины вывариваемой соли продавалась в самом Надеинском Усолье (примерно на 1100 руб. в год или 70% всей ежегодной добычи соли),

значительные количества ее вывозились для продажи, в приписные монастыри, в метрополию, на Макарьевскую ярмарку, в Арзамас и т.д. Например, в 1678/79 г. на Макарьевскую ярмарку было вывезено 19905 пудов соли, в 1680/81 г. в приписной Терехов монастырь Рязанского уезда 12059 пудов⁹⁴. Значительную продажу соли вел также приписной Пурдышевский монастырь в Шацком уезде. Кроме указанных мест соль регулярно продавалась в Москве, в Звенигородском, Рязанском, Тамбовском, Юрьев-Польском уездах. О перевозках соли из Надеинского Усолья к Москве писали А.Олеарий и Я.Стрейс. При вывозе в центральные районы страны соль переправляли на стругах до Нижнего Новгорода, частью продавали там, а остатки на наемных подводах отправляли дальше. Частично сохранился договор между монастырскими властями и возчиками из Нижнего Новгорода о перевозке в декабре 1664 г. соли из этого города до Савво-Сторожевского монастыря. Стоимость транспортировки одного пуда составляла "по девяти денег с полушкой", задаток "по десяти алтын на всякую подводу". Если извозчики простоят, не получая денег, более 2 дней, то "нам извозчикам имати ... на слуге Якове по 2 алтына на сутки на всякую подводу". В свою очередь наемные люди обязались доставить весь груз в целости и сохранности. Неустойка составляла на каждый пуд утерянной или испорченной соли по 0,5 рубля⁹⁵. После того, как к Савво-Сторожевскому монастырю был приписан арзамасский Спасский монастырь, он стал основным перевалочным пунктом на соляном пути. В более близкие места, например, в Пурдышевский монастырь, соль перевозилась без перегрузки.

На месте производства в Надеинском Усолье цены на соль колебались от 7,3 коп. за пуд в 1678/79 г. до 5,7 коп. за пуд в 1684-1687 гг. В центральных уездах они иногда поднимались до 28-32 коп. за пуд. Но это бывало довольно редко. Обычно в 70-80 гг. XVII в. цена для метрополии и большинства приписных монастырей не превышала 9-12 коп. за пуд. Большую часть разницы в ценах сѣдали транспортные затраты. Например, в Пурдышевском монастыре в 1684-1687 гг. стоимость пуда соли в среднем составляла 9,9 коп., но только дорожные издержки достигали 2,1-2,2 копеек за пуд перевозимой соли⁹⁶. Внешний рынок был необходим промыслу не только для реализации готовой продукции, но и для приобретения необходимого оборудования и материалов. Металл, полицы, гвозди, скобы в большом количестве закупались в Москве, Устюге, других городах. Вполне очевидным было стремление властей Надеинского Усолья уменьшить подобную зависимость от рынка путем пере-

бойки старого железа на месте, изготовления гвоздей и полиц своими мастерами и т.д. Наиболее рельефно эта тенденция проявилась в последней четверти ХУП в.

По уровню развития солеваренный промысел Надеинского Усоляя можно отнести к крупной кооперации со значительной степенью разделения труда. В его организации прослеживаются отдельные черты мануфактурного производства. "Вкрапленность" в крепостническую систему хозяйствования, господствовавшую в монастырских вотчинах во второй половине ХУП в., сказалась на специфике складывания производственных отношений на этом довольно передовом для того времени предприятии. К середине 80 гг. ХУП столетия полностью завершается процесс вытеснения на солеваренном промысле вольнонаемного труда оплачиваемым принудительным трудом феодально-зависимого населения.

Промысловое предпринимательство крупнейших церковных феодалов страны на берегах Средней и Нижней Волги несомненно являлось второстепенной дополнительной сферой в их хозяйственной внутривотчинной жизни, основу которой составляли сельскохозяйственные отрасли производства и прежде всего земледелие. Специфика такого направления их деятельности в Симбирско-Самарском Поволжье была обусловлена как природными особенностями региона, так и условиями его освоения.

О степени воздействия промыслового предпринимательства центральных монастырей на их бюджет и хозяйство позволяют судить материалы по Надеинскому Усолю. Изучение приходо-расходных книг позволило Е.И.Дементьеву сделать вывод о том, что хозяйство Надеинского Усоляя кроме рыбы и соли поставляло в монастырь в конце 60-80 гг. ХУП в. значительные суммы денег (в 60 гг. совместно с камским рыбным и соляным промыслом)⁹⁷. В среднем за 7 лет, по которым имеются данные (1667, 1668, 1670, 1673, 1677, 1682, 1685 гг.), ежегодно казна получала по 1636 руб., что составляло 48,9% всей приходной части монастырского бюджета. За последние три года удельный вес поступлений вырос до 57%. Однако расчеты Е.И.Дементьева следует несколько уточнить. На наш взгляд, более объективным показателем является величина чистого дохода, полученная с учетом расходной части бюджета. Реальный среднегодовой показатель денежных поступлений в казну монастыря был значительно ниже и по другой причине. Промысловые "доходы" при-

возились в монастырь старцами промышленниками нерегулярно, раз в несколько лет, и складывались из совокупного дохода, накапливаемого в течение этого срока. Непосредственный анализ бюджета хозяйства Надеинского Усолья в 80 гг. ХУП в. показывает, что оно ежегодно давало в монастырь (за исключением крупных партий соли и рыбы про монастырский обиход) от 800 до 1000 рублей чистой прибыли в свободных деньгах. Не более 15-20% в этой сумме составляли реальные денежные поступления от рыбного промысла (с учетом денежных поступлений от рыбы и рыбных припасов, продаваемых самим монастырем и нашедших отражение в приходе-расходных книгах всего монастырского хозяйства). Следует еще раз отметить, что воздействие крупного рыболовецкого предпринимательства на экономику центральных монастырей в ХУП в. в основном сводилось к поставкам значительных партий рыбы и рыбных продуктов "про монастырский обиход". Несмотря на то, что промыслы теснейшим образом были связаны с рынком и производство на них имело товарный характер, объективно для самих метрополий и в глазах высшего клира они являлись прежде всего предприятиями натурально-потребительского типа. Основные свободные средства - чистый доход, в среднем за год около 650 руб., монастырская казна получала от солеварения. Именно солеваренный промысел выходил далеко за рамки производства необходимых для монастыря продуктов потребления. Товарный характер солеварения, дающего свободные денежные средства, наблюдался и в других монастырях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Докучаев В.В. Русский чернозем//Докучаев В.В. Сочинения. М.-Л., 1959. Т.3. С.401.
2. ОДДАС. Т.15. Приложение, ХХIX. Стб. 955-959.
3. Гурлянд И.Я. Приказ великого тайных дел. Ярославль, 1902. С.354.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные условия в русских летописях XI-ХУП вв.Л., 1983. С.23-24.
5. ЦГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1.Д.34.1701. Л.301об.
6. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия...С.232-233.
7. Там же.С.238. Повсюду, где это специально не оговорено, подразумевается - "а в дву потому ж".

8. ЦГАДА.Ф.1199.Оп.1.Д.66.Л.66;Ф.281.Оп.17.Д.11565.Л.28-29.
9. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684 .
10. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11565.Л.28-29.
11. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.1.Д.34.1701 .Л.289-289об.
12. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.472.1703 .Л.21.об.
13. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.3.Д.6337.Л.3,5об.
14. Ошанина Е.Н. Хозяйство помещиков Пазухиных в ХУП-ХУШ веках// Вопросы истории. 1965. № 7. С.92.
15. РО ГБЛ.Ф.303 1.Д.562.Л.114-116.
16. Милов Л.В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины ХУШ в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961.Рига, 1963.
17. АИ. Т.5. № 65.С.94-97; № 191. С.330-334.
18. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.255.1702 .Л.1-3.
19. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684 .Л.140,143.
20. ЦГАДА. Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.255.1702 .Л.2об.
21. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.255.1702г.Л.1-3;Оп.1.Ч.1.Д.34.1701 .Л.289-289 об; Оп.1.Ч.2.Д. 472.1703 .Л.21об.;Ф.125.Оп.1.Д.35.1684.
22. Рубинштейн Н.Я. Сельское хозяйство России во второй половине ХУШ в.М.,1957.С.357.
23. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684 ; Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.255.1702 .Л.1-3 и др.
24. Индова Е.И. Урожай в Центральной России за 150 лет// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.1965.М.,1970.С.152; Милов Л.В.,Вдовина Л.Н. Культура сельскохозяйственного производства// Очерки русской культуры ХУШ в. Ч.1.М.,1985.С.95-100.
25. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.1.Д.34.1701 .Л.289-289об.
26. ЦГВИА.Ф.ВУА.Д.19026.Л. 54.
27. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец ХУ-середина ХІХ в.) М.,1983. С.58-59.
28. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина ХУ-начало ХУІ в. Л.,1971.С.46-52, 363-367; Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси ХІУ-ХУІ вв. Л.,1967.С.179-180.
29. Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины ХУШ века (по материалам внутренних таможен). М.,1958. С.203-206; Тверская Д.И. Москва второй половины ХУП в. - центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959.С.81-82 и др.

30. Параграф написан в основном на следующих материалах: ЦГАДА. Ф.125.Оп.1.Д.24.1687г.; Ф.159.Оп.1.Д.59; Госархив. Разряд XXV.Оп.2.Д.54.Ч.IX.Л.20-31; Д.56.Л.77об.-88об.
31. Кафенгауз Б.Б. Очерки.... С.147-149,190,203-206; Тверская Д.И. Москва.... С.81-82.
32. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.29.1683 .Л.1-с; и др.
33. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т.2.СПб.,1860. С.137.
34. ЦГАДА.Госархив. Разряд XXVI.Оп.2.Д.54.Ч.IX.Л.5 об.-18,20-47.
35. ЦГАДА.Ф.281. Оп.17.Д.11528.Л.5-6;Д.11576.Л.1; и др.
36. ЦГАДА.Госархив.Разряд XXVI.Оп.2.Д.56.Л.81об.-88об.
37. Там же. Д.54.Ч.IX.Л.21-30.
38. Лепехин И.И. Дневные записки....С.361-362; Исследования о состоянии .... Т.2.С.75-94; и др.
39. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684 .Л.35-36,76-77,109-110;Госархив. Разряд XXVI. Оп.2.Д.54.Ч.IX.Л.23об.,24об.,28,30об.
40. ЦГАДА.Госархив.Разряд XXVI. Оп.2.Д.54.Ч.IX.Л.20-31.
41. Вычисления сделаны на основании данных об улове рыбы и среднем весе отдельных ее видов.Например,см.:Исследования о состоянии.... Т.2.С.43-50,87;Т.3.С.18 и др.
42. Степанов И.В. Хозяйственная деятельность ....С.117.
43. ЦГАДА.Госархив. Разряд XXVI.Оп.2.Д.54.Ч.IX.Л.20-31.
44. Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М.,1965.С.101.
45. ЦГАДА.Госархив.Разряд XXVI. Оп.2.Д.54.Ч.IX. Л.20-21об.
46. ЦГАДА.Ф.125.Д.323а.Л.2-16,47-57об.
47. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684.Л.1-144.
48. ЦГАДА.Госархив.Разряд XXVI.Д.54.Ч.IX.Л.20-31.
49. Там же. Л.33 об.
50. Там же. Л.20-21об.
51. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684.
52. ЦГАДА. Госархив,Разряд XXVI.Оп.2.Д.54.Ч.IX. Л.21об.
53. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.2.1677.Л.2.
54. ЦГАДА.Госархив.Разряд XXVI. Оп.2.Д.54.Ч.IX.Л.20-21.
55. Голикова Н.Б. Наемный труд....С.90; Ее же.Очерки....С.141.
56. Степанов И.В. Хозяйственная деятельность....С.128-142; Голикова Н.Б. Наемный труд.... С.89.

57. ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562.
58. ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11542. Л. 1-2; Д. 11548. Л. 1; Ф. 141. Оп. 6. Д. 112. 1682. Л. 1; и др.
59. ЦГАДА. Госархив. Разряд ХХV I. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. 20 об. - 21 об.
60. Сборник выписок .... С. 242-243.
61. Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI-XVII веках. Петрозаводск, 1966. С. 170-171.
62. Степанов И. В. Хозяйственная деятельность .... С. 116-121.
63. Голикова Н. Б. Очерки по истории .... С. 157.
64. Там же. С. 157.
65. ЦГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 21 об. - 27.
66. Там же. Д. 25. Л. 17-17 об.; Д. 30. Л. 120-123, 132, 153 об.; Д. 36. Л. 131-131 об.
67. ЦГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 21 об. - 27.
68. ЦГАДА. Госархив. Разряд XI. Д. 70. Л. 74, 75, 84 об., 87, 89, 90, 91.
69. ЦГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 26. 1676. Л. 1.
70. ЦГАДА. Госархив. Разряд ХХV I. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 22 об.
71. Там же. Д. 58. Л. 104-105. об.
72. Там же. Д. 22. Л. 149 об. - 152.
73. Трубникова Н. В. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе // ИМА. М., 1958. С. 181-202.
74. Борисов А. М. Хозяйство .... С. 177; Харитоновна Е. Д. Солеваренная промышленность Прикамья в XVIII веке (к вопросу о генезисе капиталистических отношений в промышленности). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1971. С. 15-16; и др.
75. Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957. С. 65.
76. Бахрушин С. В. Промышленные предприятия .... С. 234-235; ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 1-3; Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1-144 об.
77. ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 451. Л. 11-12.
78. Эфимов Н. К. К изучению ископаемых богатств Средне-Волжской области. Усольские соляные ключи // Бюллетень общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара, 1925. Вып. 5. С. 1-9.
79. Паллас П. С. Путешествия .... С. 268-269; Эфимов Н. К. К изучению... С. 1-9.
80. Устюгов Н. В. Солеваренная ... С. 34, 311; Рабинович Г. С. Город соли - Старая Русса в конце XVI - середине XVIII вв. Л., 1973. С. 26.

81. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684.Л.1-144об.
82. Устигов Н.В. Солеваренная....С.248.
83. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия....С.234-235.
84. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.33.1684.Л.74,107;Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М.,1970. С.75.
85. Стрейс Я.Я. Три путешествия.М.,1935.С.189.
86. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия....
87. Устигов Н.В. Солеваренная....С.214,313.
88. Заозерская Е.И. У истоков....С.93; Рабинович Г.С. Город соли... С.118-119.
89. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11562.
90. Устигов Н.В. Солеваренная....С.230;Рабинович Г.С. Город соли....С.59;Заозерская Е.И. У истоков....С.155.
91. Устигов Н.В. Солеваренная....С.275.
92. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684.Л.1-144об.
93. Эти данные, полученные А.Х.Горфункелем, приводит Е.И.Заозерская.См.:Заозерская Е.И. У истоков....С.140.
94. ЦГАДА. Ф.1199.Оп.1.Д.49.Л.10;Ф.125.Оп.1.Д.29.1683.Л.1.
95. ЦГАДА.Ф.1199.Оп.1.Д.7.Л.135.
96. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684.Л.1-144об.
97. Дементьев Е.М. Приходо-расходные....С.183-187;ЦГАДА.Ф.1199. Оп.1.Д.19,22,24,25,33,40,43.

Глава 3. ОРГАНИЗАЦИЯ КРУПНОЙ ВОТЧИНЫ. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Организация управления

Перед представителями крупнейших церковно-монастырских корпораций страны, посланными на промыслы и в вотчины Симбирско-Самарского Поволжья, были поставлены прежде всего задачи социально-экономического порядка. В имеющихся источниках совершенно не отражена миссио-

нерская деятельность церкви. Монастырские власти не предпринимали никаких попыток к христианизации чувашского и мордовского населения, составлявшего значительную часть жителей вотчин. Специфика формирования собственности и хозяйства церкви на территории края обусловила разнообразие форм организации управленческого аппарата.

Вотчины самарского Спасо-Преображенского и кашпирского Вознесенского монастырей находились рядом с самими обителями. Это способствовало непосредственному участию в хозяйственной жизни едва ли не всех представителей монастырской "братии". Состав ее был невелик. Например, по описанию сызранского Вознесенского монастыря в 1695 г., в обители жили строитель Корнилий и "рядовых" старцев 6 человек. Для непосредственного управления крестьянами и бобылями в самой деревне в архиерейском дворе кашпирского Вознесенского монастыря в 1697 г. жил посельский старец Серапион. Сношения монастырских властей с крестьянами шло через выборного старосту "Власку Матвеева"¹. Таким образом, организация управления вотчиной в небольших местных монастырях была довольно простой: монахи во главе со строителем - посельский старец - староста - крестьяне. С переводом самарского Спасо-Преображенского монастыря в домовые патриаршие, а кашпирского Вознесенского - в домовые монастыри казанского митрополита система управления практически не изменилась. Прибавилось новое звено управления, но власти метрополии вмешивались во внутреннюю жизнь домовых монастырей и их владения лишь изредка, время от времени. Данных о наказах строителям местных монастырей, посылках приказчиков из центра нет.

До сих пор не выявлен вопрос об общих принципах организации управления монастырей, права собственности которых распространялись на "рыбные ловли". Перед монастырскими промышленниками, посылаемыми на Среднюю Волгу, стояли две основные задачи: контроль за сохранением монополии на эксплуатацию "вод" и организация рыбного промысла. Осуществить первую было довольно сложно; из "дворов" в Самаре, Саратове, Симбирске трудно было уследить за далекими "рыбными ловлями". В документах постоянно мелькают сведения о нарушении владельческих прав, о разорении временных ватажских строений, о "запустении вод" на долгие годы. Кроме постоянно живших в дворах монастырских слуг, для организации сезонного рыбного промысла из монастырей посылались дополнительно монастырские старцы, слуги, служебники. Крупнейшие монастыри - промышленники Средней Волги - Чудов, Новоспасский, нижегородский Благовещенский направляли на ватаги наиболее привилегированных лиц из состава монашеской братии - соборных старцев.

О функциях этих категорий промысловых управляющих и работников, их сменяемости сведений нет.

Значительно проще реконструировать организацию управления в населенных владениях крупнейших центральных монастырей. Например, в истории управления Надеинским Усольем можно выделить два периода. В первом, с 1660 г. и до завершения на территории края крестьянской войны под предводительством С.Разина, монастырские власти рассматривали волжские промыслы в качестве вспомогательных, дополняющих основные камские рыбные и соляные предприятия. Старцы еще совсем недавно небогатого среднего монастыря не располагали необходимым опытом для управления своими новыми обширными владениями. Надеинским Усольем распоряжались практически симбирские приказчики. Роль монастырских промышленников была невелика. С 1659/60 по 1673/74 гг. камским и волжским промыслами заведовал старец Зосима Льговский. Однако он в основном занимался организацией солеварения и рыболовства на Каме. В Надеинском Усолье перед Льговским отчитывались местные (присылаемые из монастыря) промышленники, дававшие ему деньги, приходо-расходные книги, соль и рыбу. Здесь он выступал скорее в роли контролера, чем организатора². По иному монастырские власти начала смотрели на Надеинское Усолье с конца 60-начала 70 гг. ХVII в. после того, как у монастыря были взяты камские промыслы. Незначительное рыболовство в центре страны, на иже не могло компенсировать эту потерю. В этот период в политике соборных старцев по отношению к Надеинскому Усолью можно выделить несколько направлений.

Во-первых, была сделана попытка изменить сам статус владения. Из оброчного оно превратилось в вотчинное, подчиняющееся только центральным "царским" приказам.

Во-вторых, принимались решительные меры по дальнейшему развитию промыслового хозяйства. Из монастыря направляли крупные суммы денег для "заведения волжского промысла". В целях активизации промысловых работ на Волгу были посланы одновременно несколько промышленников. В 1669 г. в Усолье находилось три промышленника, а за 1673 г. здесь побывало 6 монастырских старцев³. Период обустройства промыслов завершился, примерно, в 1677 г.

В-третьих, монастырь пытался осуществить тщательную регламентацию и контроль за внутривотчинной жизнью. Особенно целенаправленно это проводилось в конце 70-90 гг. ХVII в. после того, как была завершена перестройка промыслов. В документах имеются упоминания о "на-

казах", посылаемых в Надеинское Усолъе, однако сам текст "наказов" до нас не дошел. О том, что власти метрополии в этих документах пытались до мелочей регламентировать и предусмотреть все жизненные ситуации, свидетельствуют тексты "наказов", направляемых в приписные монастыри⁴.

В последней четверти ХУП в. хозяйство Надеинского Усолъя достигло наивысшего подъема. Оно являлось основным поставщиком рыбы для монастырского стола, денежных средств в казну монастыря. Руководство промыслами возлагалось на представителей высшего клира монастыря. В Надеинское Усолъе посылались соборный старец Леонтий Моренцов, соборный старец Самуил Савинский, старец Боголеп Калуженин⁵. Для контроля наезжали монастырские келари и архимандриты. Значительное количество дел, связанных с Надеинским Усолъем, соборным старцам приходилось решать в самом монастыре.

В самом промысловом владении управленческий аппарат имел следующую структуру:

1) промышленники и, видимо, казначеи - высшие представители феодальной администрации на местах;

2) руководители отдельных отраслей хозяйства или отдельных операций: ватажские рыбные разделщики, цренные и поличные мастера, трубные мастера и т.д. Они частично формировались из монастырских слуг, служебников и т.д., частично же - из местных жителей. К этой категории необходимо отнести монастырских подъячих, погодно присылаемых из метрополии;

3) местные выборные органы самоуправления - старосты, "соцкле", десятские и т.д.⁶

Первое звено управления противостояло всем остальным. В его руках находились основные нити управления вотчиной.

Как правило, высшее звено руководителей формировалось из лиц духовного звания. Не существовало какой-либо системы в сроках пребывания и сменяемости их на промыслах. Видимо, назначение промышленников было аналогично утверждению на монастырских соборах строителей в приписные монастыри⁷. Все действия старцев должны были проводиться в рамках "Наказа", но практически у них оставалось широкое поле для бесконтрольной деятельности. О полномочиях промышленников свидетельствовали так называемые "властные указы", присылаемые со старцами на промыслы. Центральной идеей такого указа была ясно выраженная, крепостническая по своей направленности, мысль о полном

подчинения населения вотчины промышленнику, подтвержденная угрозой неминуемого наказания. Спорные дела жителей вотчины с представителями феодальной администрации свидетельствуют о том, что и население признавало "властный указ и грамоту" основным документом, регулирующим отношения к вотчине⁸.

С середины 80 гг. ХУП в. помощь промышленнику в распоряжении денежными средствами осуществлял присылаемый из монастыря казначей. Во всех отраслях производства, в торговых экспедициях была организована строгая фиксация расходов и доходов. Эту функцию выполняли присылаемые из монастыря "погодно" подъячьи⁹. Они должны были присутствовать на ватагах и рыбных дворах при сдаче и приеме рыбы, на соляном промысле, на стругах при перевозке продукции, при сборе повинностей и т.д. В вотчине было налажено развитое делопроизводство — составлялись многочисленные приходо-расходные книги, оформлялись "порядные записи", различные сделки. Записи о расходах и доходах на промыслах, в городке, торговых экспедициях и т.д. объединялись и обрабатывались. Таким образом, получались приходо-расходные книги по всей вотчине. Порой эти книги пересматривались еще раз для составления более обобщающих "выписок", и уже они посылались для отчета в монастырь. Монашеские подъячьи умели хорошо считать, и ошибки их сводились, в основном, к опискам. Составление таких книг и выписок из них, деятельность подъячих (их иногда заменяли целовальники) и казначеев служила препятствием для финансовых злоупотреблений со стороны промышленников, руководителей отдельных производств. Деятельность низшего звена управления — мирского — хорошо освещена в исторической литературе, и мы на ней специально останавливаться не будем.

Значительно меньше сведений об организации управления во владениях других центральных монастырей на территории края.

Возникает вопрос об оплате всей этой административной верхушки. Старцам — промышленникам Савво-Сторожевского и Ипатьева монастырей жалованье выплачивалось в самой метрополии. Промышленники Надеинского Усолья получали регламентированный оклад, складывающийся из собственно жалования и дополнительной оплаты за руководство промыслом. Величина годового жалования колебалась весьма значительно от 6 до 20 рублей¹⁰. В эту сумму не входило питание. Старцу Ипатьева монастыря в одном из документов разъяснялось: "...таким как он старцам из монастырской казны зажилых денег не дается, а как она в монастыре в каких службах бывают тогда и зажилые деньги дается"¹¹.

Внутривотчинных соор, так называемых "прикашичьх денег", в ХУП в. не собиралось. Из монастырской казны оплачивался также труд казначеев и подъячих.

Для проживания монастырских старцев, приказчиков, казначеев и т.д. в вотчинах строились специальные монастырские дворы. Как правило, это были хорошо укрепленные сооружения — настоящие маленькие крепости. В первую очередь такие дворы — "городки" — должны были служить для защиты населения вотчины от кочевников.

Система управления монастырскими владениями преобразовалась в ходе проведения реформ начала ХУШ в. Это явление было хорошо изучено в исторической литературе¹². Были описаны все монастырские вотчины, введен институт светских управляющих — приказчиков, управление сосредотачивалось в Монастырском приказе. Однако управленческие реформы оказали воздействие только на верхушку административного аппарата.

§ 2. Феодальная эксплуатация и формы зависимости населения

Система повинностей, сложившаяся во владениях духовенства Симбирско-Самарского края в течение ХУП-начала ХУШ вв., отличалась многообразием. В основном она копировала принципы организации феодальной ренты, характерные для "старых" вотчин церкви в центре страны. Однако ей были присущи и специфические черты, обусловленные началом освоения края, постоянными миграциями населения, промысловым уклоном хозяйства ряда владений.

Проследить становление системы эксплуатации, развития крепостнических отношений в 30-80 гг. ХУП в. (до начала 90 гг.) можно по владениям самарского Спасо-Преображенского и звенигородского Савво-Сторожевского монастырей. По данным конца 30-начала 40 гг. на 210 дворов (450 человек м.п.) сельского населения Спасо-Преображенского монастыря приходилось "в живушем 18 вытей без чети", что в среднем на один двор составляло около 0,7 осьмака. Этот показатель не выходил за границы обычных норм обложения для церковных владений центральных уездов страны¹³.

На протяжении 40-60 гг. в монастырской вотчине получили развитие повинности смешанного типа. Крестьяне отработывали барщину на монастырском поле, составлявшем в 1670 г. 10 десятин, и пахали 5 десятин

церковной земли. С них собирались по 141 руб. в год оброчные платежи. С одной десятины крестьянской земли полагалось по 1,12 руб. Кроме того, жители вотчины "...делали на монастырь всякое изделие".
Данных о продуктовой оброке нет. Сравнительно небольшой монастырский рыбный промысел в основном обслуживали вольнонаемные рабочие люди, жившие на монастырском дворе. Их, по данным переписи 1646 г., насчитывалось 16 человек. Повинности в пользу государства, по жалованной иммунитетной несудимой грамоте 1648 г., ограничивались стрелецкими и ямскими деньгами, городовым делом¹⁴.

В Надеинском Усолье до середины 70 гг. не произошло каких-либо серьезных изменений в формах и размерах владельческих повинностей населения по сравнению с периодом, когда промысел принадлежал Светешниковым. Несмотря на быстрый рост населения, прежними оставались размеры владельческой запашки - 30 четвертей; на промыслах использовался как труд вольнонаемных работников, так и зависимого населения; происходило постепенное прикрепление наемных людей, новопоселенцев. С середины 70 гг. монастырские власти предприняли реорганизацию форм ренты и структуры зависимого населения. Перестройка объяснялась двумя факторами. Во-первых, волжский промысел стал основным поставщиком рыбы, соли и денег в монастырь. Во-вторых, в 70-90 гг. в большинстве монастырских вотчин произошло усиление эксплуатации, выросла барщина за счет денежного оброка, увеличилась доля труда зависимого населения. Этот процесс нашел отражение и в Надеинском Усолье. В конце 70 г. владельческая запашка выросла до 112 четвертей, а к моменту составления писцовой книги 1686/87 г. достигла 417 четвертей¹⁵. В барщинных работах принимало участие все население вотчины, исключая жителей чувашских деревень и, видимо, мастеровых. Средний размер дворовой запашки, около 1,7 четверти, был значительно выше усредненных показателей как по другим вотчинам монастыря, так и в целом по вотчинам духовенства центра страны и приближался к показателям по частновладельческим владениям¹⁶. Однако обрабатывалась далеко не вся монастырская пашня. Реальные размеры барщинных работ были минимум в 1,5 раза ниже объема, обусловленного величиной дворового надела¹⁷.

Население вотчины платило также денежный оброк. В середине 80 гг. жители чувашских деревень и Переволоцкой слободы отдавали по 1 руб. со двора (переволоцкие бобыли и рабочие люди, кроме того, еще работали на барщине). Рабочие люди и бобыли Надеинского Усолья платили за владение монастырской землей и сококосными угодьями денежный

оброк. Однако величина оброчных платежей была незначительной и далеко не соответствовала количеству земли, находившемуся в их пользовании. Вероятно, резкое увеличение монастырской запашки в конце 70-первой половине 80 г. было связано с заменой денежного оброка отработочной рентой. В обязанности всего населения вотчины входило также изготовление "изделия" — многочисленных ремонтных, строительных и других работ. В одной из челобитных жители писали, о том, что она: "...сеят хлеб и сено ставят, ... лес чистят, ...", "сделали церковь" амбары, городок, варницы, плотины и т.д.¹⁸. Большинство из этих работ не оплачивалось. Грань между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом в вотчине позволяют проследить материалы приходо-расходных книг и выписок из них, где отмечались все мало-мальские случаи оплаты. Но и широчайшее использование на промыслах наемного оплачиваемого, порой высококвалифицированного труда в основе своей содержало принуждение и все более базировалось на крепостнической системе ведения хозяйства. Это была своеобразная феодальная повинность, получившая распространение во многих промысловых владениях страны. Суть подобных отношений хорошо выражена в одном из наказов, присланном в Усолъ с новым промышленником "...и вы б старосты, целовальники и крестьяне к нему Леонтию под суд приходили и во всем ему в монастырских делах были послушны, и монастырскую пашню пахали, и изделие делали против прежнего указа... а будет в чем в монастырских делах, учнете быть непослушны, и за то вам... быть в жестоком наказанье без всякой пощады"¹⁹.

Таким образом, с одной стороны в Надвинском Усолъ прослеживается тенденция к нарастанию наиболее тяжелой формы ренты — барщинных сельскохозяйственных работ; с другой — в солеварении полностью, а в рыболовстве в значительной мере труд вольнонаемных работников замещался оплачиваемым принудительным трудом зависимого населения. Насколько реально увеличилась тяжесть владельческих повинностей, судить трудно.

Ни для монастырских властей, ни для самих жителей длительное время различие между отдельными группами населения не имели особого значения. В документальных источниках постоянно происходила терминологическая путаница — крестьян называли бобылями, рабочих людей крестьянами и т.д. Необходимым условием такой легкости перехода из одной группы в другую, нечеткости терминологии являлось сходство экономического и социального положения, отношения к феодальным

повинностям и процессу производства большинства жителей вотчины. В последней четверти века в Надеинском Усолье сложились две стабильные группы населения — чуваши и русские крестьяне, занимавшиеся преимущественно сельским хозяйством и несшие государственные повинности. Они практически не принимали участия в промысловых работах. Коренное изменение взглядов феодальной администрации на крестьян произошло в 70 гг., когда встал вопрос о раскладке по жителям владения государственного тягла. По аналогии с промыслами других монастырей эти повинности должны были нести в вотчине только 17 крестьянских и 30 чувашских дворов. Если в 60-начале 70 гг. население целых селений легко причислялось к крестьянам, то после составления переписной книги 1678 г. власти вотчины делали все возможное для сохранения данного количества крестьянских и чувашских дворов. Крестьяне выделялись среди остального русского населения и по таким признакам, как населенность двора, стабильность его. Владельческие повинности крестьян осуществлялись, в основном, в виде барщины. Земли, принадлежавшие им, назывались барщинными тяглами, но размеров тягла не указано. Чуваш платили оброк. О них сказано "... чуваш и мордва ... крестьянские доходы в монастырь платят и изделие делают с усольскими крестьянами"²⁰.

Большинство населения Надеинского Усолья принадлежало к двум категориям — бобылей и работных людей. Если термин "бобыли" встречается во всех документах, то понятие "работные люди" впервые появилось только в переписной книге 1678 г. Зачастую эти две группы объединялись, принимались одна за другую. Например, в сказках Генерального двора 1700 г. говорилось "... всяких работников как работают по найму бобылями 235 дворов"²¹. Бобыли являлись более устойчивой, стабильной категорией населения чем работные люди. Но и семья работных людей следует в основном отнести к постоянному населению. Видимо, одним из источников формирования этой группы были бывшие вольнонаемные работники, постепенно осевшие рядом с промыслом, заведшие свое хозяйство, двор. В конце 70-90 гг. произошли существенные изменения в положении этих категорий населения. Если ранее единственным источником их существования была работа на промыслах, в документах о них "беспашенные", "кормятся работой у варниц"²², то теперь, в большинстве своем, работные люди и бобыли начали заниматься земледелием, нести барщинные повинности. Меняется содержание их труда в промысловом хозяйстве, где все явственней выступает принудительный характер, крепостнические черты. Вряд ли бобылей Усолья можно рассматривать

как беднейшую (по сравнению с крестьянством) часть населения, не имевшую возможности в полном объеме нести тягло. Это была обычная специфическая категория жителей, широко распространенная в промышленных центрах, торгово-промышленных сельских поселениях страны. По ряду признаков бобыли, как и рабочие люди, сближались с крестьянами.

Категория "мастеровых" впервые была отмечена в 1686/87 г. В дозорной книге и в актовых источниках члены этой группы указывались как бобыли и рабочие люди. Они имели самую высокую населенность двора, являлись наиболее квалифицированными работниками, не занимались сельским хозяйством, соответственно, не несли барщинных и оброчных повинностей. Часть из них была переведена из монастыря. Несомненно, что мастеровые относились к зависимому населению, но только к наиболее привилегированной его части.

Монастырские слуги, служки, конюхи и т.д. не являлись постоянным населением Усолья. Несмотря на особенности формирования отдельных групп жителей, на различия в их положении, отношении к промышленным и земледельческим работам, повинностям и т.д., в вотчине в последней четверти ХУП в. происходила консолидация населения на основе роста феодальной зависимости, нарастания крепостнических тенденций. Это отражало общий процесс увеличения эксплуатации, феодального гнета во владениях Савво-Сторожевского монастыря.

Сведения о владельческих повинностях крестьян и обобылей вотчины костромского Богоявленского монастыря, составе населения имеются только для конца ХУП-начала ХУШ вв., но, на наш взгляд, их можно проецировать и на более ранний период. По словам крестьян и бобылей с. Красный Яр до 1703 г., они "... в монастырь податей и денежного оброка не плачивали, а изделье делала, пашню пахали и сено косили..."²³. Типично земледельческое хозяйство в вотчине монастыря было одним из старейших в крае и способствовало складыванию здесь своей, отличной от владений с промышленным уклоном, системы владельческих повинностей. Те же жители с. Красный Яр сообщали "... в селе Красный Яр двор монастырский и всякое строение пашни мерной не было, а жали и молотили не по сотенной и без счёту, поовинно, а что с овина молотено и что по мере было и тот хлеб принимали старцы и старосты на монастырский двор..., в житницы, а как с Костромы приезжают из монастыря стругами ради хлеба монастырского и мы на те струги рабочих людей отлускали до Костромы по 4 человека..."²⁴.

В начале XVIII в. по отношению к тягловым повинностям все население вотчины делилось на следующие группы:

- крестьяне с.Красный Яр (129 дв.) были заняты на барщине. Всего на монастырском поле высевалось 48,6 четвертей ржи, "а ярового вдвое". На один двор приходилось в среднем по 0,4 четверти посева ржи, а на I душу м.п. 0,17 четв.;

- крестьяне д.Городище вместо барщины платили денежный оброк. С 29 дворов приходилось 35,96 руб., а в среднем на I двор - 1,24 руб. (на I д.м.п. - 0,69 руб.);

- бобыли с.Красный Яр и д.Городище (всего 20 дворов) являлись беднейшей частью населения вотчины и не несли сколько-нибудь серьезных владельческих повинностей;

- значительную группу населения представляли льготчики с.Красный Яр (12 дв.), состоявшие из переселенцев или принятых беглых. На несколько лет они освобождались от тягла, но с 1703 г. должны были высевать на монастырь по 0,25 четв. ржи на I двор.

Распределение тягла по дворам произошло незадолго до проведения описания 1703 г. Основным критерием при раскладке повинностей служила населенность двора в д.м.п. ²⁵.

При массовом переводе населения монастыря переносили на новоприобретенные земли Симбирско-Самарского Поволжья "старые" методы организации хозяйства, внутривотчинной социальной культуры, повинностей и т.д. У переведенных на Самарскую Луку крестьян московского Вознесенского монастыря обеспеченность семей переселенцев денежными средствами доходила до 35 руб., но в более чем 60% случаев составляла около 6,5 руб. на I семью. В новых владениях власти монастыря предприняли попытку увеличить размеры тягловых окладов. Их размеры были определены в интервале от 0,33 до 1,33 осьмака на двор. Наиболее распространенным был оклад в 0,5 осьмака - около половины дворов вотчины. Подавляющее большинство крестьянских семей несло от 0,5 до 1,0 осьмака на двор. Величины ссуд на посевное зерно свидетельствуют о намерении создать крестьянское земледелие (в соответствии с тягловыми окладами) со значительными наделами пашенной земли. Эта попытка не имела успеха, и поэтому к 1697 г. средние размеры тягла на душу м.п. были значительно снижены и лишь немногим превышали оклады, бывшие во Владимирском уезде. Соответственно, резко снизились и размеры крестьянских земельных наделов.

Свидетельства о размерах денежного оброка отсутствуют. Совершен-

но нет упоминаний о продуктовой ренте. Многочисленным и разнообразным было монастырское "изделье", различные поручения, связанные с "соковской ватагой" и т.д. По своему характеру и размерам оно было сходно с подобными видами отработок в вотчинах других монастырей.

Практически все население вотчины состояло из крестьян. Отсутствуют данные о категориях бобылей, работных людей. Неясно, кто был занят на монастырском рыбном промысле, но, скорее всего, большинство рабочей силы составляли вольнонаемные люди, подрядчики²⁶.

Конкретная деятельность феодальной администрации на новых землях хорошо прослеживается на примере вотчины Ипатьева монастыря. Сразу после получения земель и перевода на них зависимого населения монастырские власти приступили к организации собственной запашки. Земли Каменской слободы в Симбирском уезде были пожалованы монастырю в 1700 г., а уже осенью этого года поселенные здесь крестьяне сеяли рожь на монастырь. На первое время население вотчины было освобождено от денежного оброка, "... потому, что селятся вновь...", но в будущем он предусматривался. Жители другого монастырского поселения с. Новотроицкого сообщили в 1702 г. переписчикам: "... впредь пашне монастырской быть не у чего, дача самая малая и денежного оброку ничего в монастырь не платим... поселилась вновь... многие бесконные и бездомные кормят за работою своею"²⁷.

В качестве основной, начальной повинности барщина в конце ХУ в. получила развитие в вотчинах кашпирского Вознесенского, Новодевичьего и, скорее всего, Воскресенского Новоиерусалимского монастырей²⁸. Данные об организации феодальной ренты в промысловых владениях Чудова и Новоспасского монастырей отсутствуют.

Реформа 1701 г. не только поставила под полный контроль государства богатства духовенства, но и содействовала росту и значительным переменам во владельческих повинностях. При этом необходимо подчеркнуть, что размеры государственных повинностей в конце ХУ - начале ХУ вв. значительно выросли и были намного выше, чем сословно-владельческая рента.

Изучение фактического материала по монастырским владениям региона в начале ХУ в. позволяет сделать вывод о значительном увеличении владельческой ренты и с повышением внутри нее удельного веса денежных платежей. Последнее в определенной мере происходило за счет замены ряда мелких повинностей единым денежным оброком. Денежную форму приняло большинство "прикащичьих доходов". Например, в вотчине

Богоявленского монастыря, где по неоднократным заявлениям крестьян отсутствовал денежный оброк в пользу монастыря, по "Описанию..." 1703 г. наряду с монастырской запашкой появились "тягловые платежи". Размеры их были строго соотнесены с дворовой раскладкой баршанных работ. Средний размер этих платежей по крестьянским дворам с. Красный Яр составлял 0,79 руб. на I двор, или 0,34 руб. на I душу м. п.²⁹ В Надеинском Усолье, население которого в основном несло баршанные повинности, в начале XVIII в. оброчные платежи были увеличены до 256 руб., или, исходя из данных о количестве дворов в писцовой книге 1686/87 г., до, примерно, 1 рубля со двора. Кроме того, жители вотчины должны были платить "прикашичы доходы" в размере 29 руб.³⁰ Данные сводных источников по владениям других монастырей также свидетельствуют о значительном денежном оброке (от 1 рубля и более), собиравшимся с населения вотчин. Кроме денежного оброка и барщины за крестьянами церковных владений оставались "прикашичы" доходы, масса мелких податей, отработки "изделия", извоз и т.д. Даже учитывая падение денежного курса в конце XVII—начале XVIII вв., необходимо говорить о значительном увеличении тяжести феодально-крепостнической эксплуатации. Крестьяне зачастую не имели возможности выдерживать такую нагрузку.

В 1707 г. сумма очередных платежей и различных недоимок в вотчине московского Вознесенского монастыря достигла поистине катастрофической цифры в 1356,4 руб.³¹

При рассмотрении общих размеров сословно-владельческих повинностей необходимо учитывать, что в начале XVIII в. практически не известно ни одного случая уменьшения размеров отработочной ренты. Каково было соотношение основных форм ренты в монастырских владениях Симбирско-Самарского Поволжья судить трудно. Говорить о специфике феодальных повинностей в определенных, неопределенных и заопределенных монастырских владениях не представляется возможным из-за отсутствия достаточных материалов, да это и выходит за пределы нашей темы.

Сопоставления размеров владельческой и государственной ренты во второй половине XVII и начале XVIII вв. дает повод говорить о резком ухудшении положения населения владений духовенства, о нарушении "нормальной" внутривотчинной хозяйственной жизни. Недаром ряд исследователей считает, что переход владений церкви под управление Монастырского приказа привел к ликвидации возможностей дальнейшего поступательного развития их хозяйства.³²

Изучая развитие системы эксплуатации, формы ренты, структуру зависимого населения в вотчинах региона можно сделать следующие вы-

воды. В ХУ в. во всех владениях шел сходный процесс формирования феодально-крепостнических отношений. Монастырские власти, контролируя и направляя этот процесс, исходили из самых консервативных позиций. Во владениях с аграрным и аграрно-промышленным характером в основных чертах копировалась система отношений и повинностей, которая получила развитие в "старых вотчинах", находившихся в центральных уездах страны. В промышленных хозяйствах более опосредованно (на примере Надеинского Усолья), но также ощущалось влияние роста феодальной эксплуатации, усиление крепостничества, происходившее в крупнейших монастырях в последней четверти ХУ в. Несмотря на специфические особенности эксплуатации зависимого населения в хозяйствах этого типа совершенно определенно проявляется тенденция проникновения крепостнических отношений во все сферы внутренней жизни вотчины.

Необходимо подчеркнуть, что во всех монастырско-церковных владениях была широко распространена барщина. В ряде хозяйств она занимала главенствующее положение. Отработочная рента, как в виде сельскохозяйственных работ, так и в форме оплачиваемого труда на промыслах, "делания изделий", являлась основной формой в большинстве вотчин в течение второй половины ХУ в. На наш взгляд, тяжесть эксплуатации в приволжских владениях была несколько ниже, чем в старых освоенных районах страны. Начало ХУ в. стало переломным моментом в развитии государственных и владельческих повинностей. Их непосильная тяжесть надолго изменила направление развития как крестьянско-бобыльского, так и собственно монастырского хозяйства.

§ 3. Классовая борьба

При работе с источниками, содержащими сведения о социальных противоречиях, необходимо обратить внимание на следующий момент. В советской историографии поставлена задача изучения всех без исключения проявлений классовой борьбы³³. Однако борьбу антагонистических классов феодального общества нельзя рассматривать как ряд отдельных спорадически возникающих столкновений. Противоположность интересов, давление (взаимодействие) феодальной верхушки общества и зависимого эксплуатируемого населения друг на друга проявлялись во всем, они буквально пронизывали всю хозяйственную и социальную жизнь вотчины, определяли степень феодального угнетения. Это было

обычным явлением внутривотчинной жизни, как и жизни всего феодального общества, и могло получить отражение в документальных материалах только тогда, когда противоречия достигали особенной остроты, грозили разрушить устои феодального правопорядка. Поэтому в источниках можно обнаруживать далеко не все случаи классовых столкновений, а только самые крупные. К тому же в архивах сохранилась только часть документов, и среди них очень мало "дел", то есть комплексов материалов об одном событии, освещавших его с разных сторон. Вследствии всего вышесказанного воссоздаваемая картина классовой борьбы является в значительной степени фрагментарной.

Вспышки социальных противоречий внутри отдельных владений были обусловлены вполне конкретными причинами. Например, волнения в вотчине московского Вознесенского монастыря, продолжавшиеся около четырех месяцев — с декабря 1704 по март 1705 г., были вызваны невозможностью выполнения обычных феодальных повинностей в условиях, когда: "...за хлебным недородом, тот хлеб не родится третий год..."³⁴. Часто поводом для выступления служили злоупотребления вотчинных властей. Насилие лежало в основе феодальной организации вотчины. Позиция вотчинной администрации хорошо высказана в словах одного из промышленников Надеинского Усолья старца Анфиногена "...кто де у меня попросит властиной указ, у меня де указ в палке"³⁵. Этому произволу способствовала удаленность приволжских владений от метрополий, фактическая бесконтрольность деятельности местных властей.

Порой отдельные выступления зависимого населения можно объяснить только исходя из всего комплекса обстоятельств внутренней жизни вотчины. Об этом свидетельствуют материалы следствия, вызванного убийством и ограблением в 1707 г. приказчика Городищенской слободы Вознесенского московского монастыря³⁶. Протест рабочих людей, бобылей, крестьян, чувашского и мордовского населения проявлялся в самых различных формах. В целом же можно выделить три основные направления классовой борьбы жителей приволжских владений духовенства.

1. Попытки решить возникающие противоречия в рамках феодального правопорядка, используя "легальные" способы борьбы за свои права. Это были выступления против злоупотреблений, за упорядочивание феодальных повинностей. Активной формой такой борьбы являлись отказ платить оброчные платежи, работать на промыслах и т.д.

2. Стремление уйти из данной вотчины или вообще избавиться от действия крепостнических методов эксплуатации с помощью бегства.

3. Борьба против основ феодальной системы угнетения путем участия в вооруженных выступлениях, крестьянских войнах.

Первое направление получило свое выражение в основном в подаче челобитных. Этот способ защиты своих интересов жителями края был наиболее распространен именно в вотчинах духовенства. Специфика челобитных, их форма, порядок и причина подачи населением крупных владений Симбирско-Самарского Поволжья были подобны аналогам в других районах Российского государства³⁷. В ряде случаев дела, связанные с подачей челобитных, тянулись длительное время и тем самым способствовали переходу к более энергичным методам борьбы. Рассмотрим это на нескольких примерах.

Значительный интерес представляет многолетняя борьба жителей Надеинского Усолья против произвола монастырского старца промышленника Леонтия Моренцова (1673/74 - 1684 гг.), известного как своей энергичной хозяйственной деятельностью, так и злоупотреблениями. О последнем обстоятельстве свидетельствует более двадцати челобитных населения вотчины. Они исходили не только от зависимого населения, но и от людей, равных Л. Моренцову по служебному положению. Одного из них - промышленника Г. Черниговца Л. Моренцов "...мори́л голодно́ю сме́ртью и ставил на праве́ж"³⁸. Случаи угроз, избивания жителей Усолья, насилия, незаконных поборов и отработок, а то и роста ограблений, и все это систематически, из года в год, стали нормой поведения "старца". Соучастниками своих преступлений, своеобразными телохранителями Моренцов сделал двух усольских жителей из семьи трубного мастера, одной из наиболее привилегированных в Усолье. Жители вотчины не без оснований считали, что подобные злоупотребления и преступления должны быть наказуемы даже в рамках феодального правопорядка. В своих челобитных они ни в коей мере не пытались выступить против основ феодальных отношений, системы повинностей и т.д. Главная цель челобитчиков состояла в отзыве Л. Моренцова из вотчины, прекращении злоупотреблений. Однако добиться справедливости с помощью челобитных даже в самые высокие инстанции - на имя царя, патриарха, властей Савво-Сторожевского монастыря населению вотчины не удалось. Доведенные до крайности жители Надеинского Усолья летом 1682 г. решились на открытое выступление. В нем приняло участие большинство населения вотчины. Видимо, это была уже не первая попытка открытого неповиновения, т.к. Л. Моренцов писал о "...прежних мятежниках". Сопротивление жителей властям не переросло в вооружен-

ное восстание. Крестьяне, рабочие люди, бобыли прекратили все работы на промыслах, перестали подчиняться Л. Моренцову: "... от этого соляной и рыбный промысел остановился и рыба в монастырь не идет" В Москву были посланы челобитчики с прошением вывести Надеинское Усолье из-"под монастыря". Выступление закончилось неудачей. Вотчина осталась за монастырем, промышленник ее не был смещен³⁹. Но власти Савво-Сторожевского монастыря поняли, что дальнейшее пребывание Л. Моренцова в Усолье может привести к новым, более серьезным выступлениям жителей. Об этом свидетельствовали новые челобитные на имя уездных властей, патриарха и т.д. В сентябре 1684 г. Л. Моренцову все же пришлось сдать свои дела по вотчине. Так закончилось правление этого человека, длившееся около 10 лет. Как правило, стороны, участвовавшие в конфликте, пытались интерпретировать события в свою пользу. По содержанию одной из отписок монастырских властей в октябре 1688 г. жители промыслов приходили "бунтом и скопом" и хотели убить наиболее ненавистных подручных промышленника. По словам же очевидца, усольского священника В. Антипова, "...переволокские жители приходили к промышленнику с властиной грамотой... и из них вышедший Кондратий Казак в келье стал говорить промышленнику, я говорил много против властиного указу и грамоты, чтобы указ учинил, а бунтом и скопом.... они не приходили"⁴⁰.

Поводом для выступления жителей с. Кузмодемьянского и Городищенской слободы вотчины московского Вознесенского монастыря в 1704-1705 гг. послужил сильный неурожай. Документальные материалы отражали происходившие в вотчине события как в изложении приказного человека, "...который судом и расправой ведает и оброк собирает", А. Селиверстова, так и крестьян села и слободы. А. Селиверстов, описывая случившиеся, упор сделал на факте неповиновения крестьян, отказе их выполнять различные работы, платить оброк и недоимки. Судя по сведениям А. Селиверстова, события развивались следующим образом. "Бачинщиком" выступления стал сильный крестьянин с. Кузмодемьянского Осип Никитин. По "наущению" О. Никитина и ряда других жителей села, староста М. Назаров в декабре 1704 г. подал челобитную в Симбирск с просьбой сбавить тягло и допросить приказчика. Крестьяне обвиняли А. Селиверстова в том, что он самовольно увеличил налог. Дока приказчика допрашивали в Симбирске, в с. Кузмодемьянском распоряжался всем О. Никитин. Он запретил собирать оброк и продавать промысловую рыбу. Новая вспышка волнений была связана с присылкой в январе 1705 г. из Приказа Воз-

несенского девичьего монастыря памяти о сборе оброчных денег за 1704 и 1705 гг. Вновь главную роль в волнениях сыграл О.Никитин. Он и его сподвижники "взбунтили всех крестьян", потребовали перевести население на ясак и приписать вотчину к Симбирску. Была подана челобитная симбирским властям, Приказчика вновь вызвали в Симбирск, а затем отправили в Казань. В феврале 1705 г. по решению мира староста М.Назаров подал еще одну челобитную с теми же требованиями в Казань. Волнения перекинулись и на другое крупнейшее поселение вотчины-слободу Городищенскую. В феврале 1705 г., когда из Казани в слободу пришел указ о сборе оброка, "крестьяне небольшие" М.Чечулин, Я.Саранский и другие "остановили" сбор денег. По их требованию староста подал в Москву челобитную с просьбой уменьшить оброк, т.к. им "за скудость" платить нечем. Крестьяне слободы, воспользовавшись тем, что приказчик был в Симбирске и Казани, продали 150 четвертей овса. Любопытно следующее. Селиверстов пишет, что крестьяне продавали овес "сверх продажной цены" и взяли себе только прибыль. По-видимому, под давлением А.Селиверстова в с.Кузмодемьянском во второй половине февраля 1705 г. был выбран новый староста И.Гаврилов. Однако это ничего не изменило. И.Гаврилов, действуя заодно с тем же Осиповым, отказал приказчику в сборе денег в хлеба. Крестьяне распродали владельческий хлеб, забрав себе деньги, отказались работать на рыбном промысле, выполнять сельскохозяйственные работы.

Иную оценку происходившего содержат челобитные крестьян. Несмотря на то, что "зачинщиками" (по А.Селиверстову) являлась небольшая группа "крестьян небольших" и ссыльных, все жители селений были едины в своем отношении к злоупотреблениям приказчика, к непосильному тяглу. Прежде всего, в челобитных крестьян делается попытка объяснить причины их подачи, доказать невозможность несения повинностей, показать злоупотребления вотчинных властей. Причинами выступлений назывались неурожай и последовавшее затем "оскудение". Вследствия этого крестьяне уже не могли в полном объеме нести феодальные повинности. Неурядочиванность платежей, различных работ, дальние поездки подрывали хозяйство крестьян. Велики были и злоупотребления со стороны приказчика и уездных властей. Требования крестьян, получившие оформление в нескольких челобитных, выглядят следующим образом:

1. Судить и наказать приказчика за совершенные им злоупотребления.

2. Зачесть крестьянам в оброчные платежи те деньги, что незаконно взяты с них.

3. Уменьшить и отложить на некоторое время оброчные платежи.
4. Отдать крестьянам запасы хлеба из монастырских амбаров.
5. Впредь обложить население денежным, точно фиксированным ясаком.
6. Вывести население вотчины из-под юрисдикции Монастырского приказа и приписать к Симбирску.

Не дожидаясь решения властей, крестьяне сами стали выполнять отдельные пункты своих требований. Об этом и писал приказчик.

В итоге выступления крестьян вотчины закончились неудачей. Однако волнения населения на этом не прекратились. В 1707 г. жителями сл.Городищенской был убит приказчик. Длительное расследование показало, что это было не обычное убийство с целью грабежа. Новый приказчик писал, что недовольные крестьяне подбивают людей против местной власти, делают сходы у своих дворов, собираются ночью с "небольшими людьми". Реакция центральных властей на все происходившее была проста: бунтовщиков наказывать кнутом, оброк собрать; у тех, кто не может платить, отнять имущество. Если приказчик не сможет собрать деньги, то его самого отправить на каторгу⁴².

Одной из форм классовой борьбы было бегство. Уйти с обжитого места, потерять дом, хозяйство, лишиться поддержки мира — на все это могли подтолкнуть лишь очень серьезные обстоятельства. Например, в Надевском Усолжье несколько семей бежало, исчерпав все легальные средства борьбы с промышленником и не без оснований опасаясь его мести. Часто население уходило не в силах выдержать длительного судебного разбирательства, мытарств, связанных с ним. Жители с.Юлво Городище Новоспасского монастыря "... от всего этого (судебных тяжб — Э.Д.)...разорились вконец и многие разбрелась"⁴³. Подобная формула часто встречается в крестьянских челобитных, и, видимо, это был не только формальный прием, за ним стояли реальные намерения.

На злоупотребления сыщиков во время сысков беглых как на одну из причин бегства постоянно указывали монастырские власти⁴⁴. Вероятно, имеющиеся в документах данные о количестве беглых достаточно верно отражают реальную ситуацию, так как монастырская администрация была заинтересована в точной фиксации своих беглых, ибо это служило основанием для последующего сыска ушедших. Беглые уходили в основном в дворцовые селения Самарской Луки, к уральским казакам, в близлежащие вотчины.

Рассматривая бегство из церковно-монастырских владений Симбирско-

Самарского Поволжья необходимо отметить два обстоятельства. Самовольный уход населения по своим масштабам ни в какой мере не может быть сравним с притоком беглых. Массовое бегство с территории изучаемого района началось значительно позднее. И второе. Сравнительно небольшой отток населения из владений духовенства в конце ХУП-начале ХУШ вв. был характерен именно для изучаемого региона. По всей территории страны в это время господствует противоположная тенденция. Однако и здесь бывали случаи, когда владения, население которых искусственно формировалось исключительно из беглых, оказывались "пустыми" вследствие массового ухода жителей. Например, власти Костромского Ипатьева монастыря, обнаружив в конце ХУП в. множество своих крестьян, бежавших от "хлебных недородов" из вотчин в Костромском и Владимирском уездах, "...в низовых разных городах", решили поселить их на пожалованных землях в бывшей казачьей слободе Каменской Симбирского уезда. Видимо, условия жизни на новом месте оказались не самыми благоприятными, да и власти поспешили обложить население повинностями. В результате посланный в 1709 г. в селение подъячий обнаружил из 52 дворохозяев только трех, да и те, опасаясь наказания, бежали. Жители не только ушли, но и развезли свои дворы⁴⁵.

В документах не содержится сведений о самостоятельных вооруженных выступлениях населения крупных вотчин края. Сильнейшее недовольство жителей крепостным гнетом, действиями вотчинной администрации могло вылиться в форму вооруженного восстания только при появлении поблизости крупных повстанческих центров.

Ф.Энгельс, анализируя способность немецкого феодального крестьянства подняться на вооруженную борьбу, писал: "Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего согласия. Действовала долгая... привычка к подчинению... жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина - все это помогало удержать крестьян в повиновении"⁴⁶. Только размах, ширь крестьянских войн, крупных восстаний могли породить у угнетенных уверенность в победе, в освобождении от крепостнического гнета. Убедительно подтверждают это материалы, относящиеся ко времени развертывания в Среднем Поволжье крестьянской войны под предводительством С.Разина. Для разрешения назревших противоречий понадобился только сам факт появления на территории края повстанческого войска. В восстании приняло участие большинство угнетаемого населения Симбирско-Самарского Поволжья, в том числе и жителей церковно-монас-

тырских движений. Столь массовое движение показывает, что люди выступали не против отдельных злоупотреблений, за соблюдение норм феодальной законности, как это может показаться из текста челобитных, а против всей системы эксплуатации. В вотчине патриарха на Самарской Дуге часть крестьян вошла в состав армии С.Разина, остальные принимали на постой отряды восставших, помогали им продовольствием. Видимо, одним из руководителей "смутьянов" был крестьянин из патриаршего с.Выползово М.И.Казаринов, после подавления восстания высланный вместе с семьей в Холмогоры⁴⁷. Одним из основных опорных пунктов армии восставших на подступах к Симбирску стало Надеинское Усолье. Неизвестно количество усольских жителей, бывших в разинском войске при осаде Симбирска. Но уже после разгрома повстанцев симбирский воевода И.Милоулавский доносил в октябре 1670 г., что собравшийся в Надеинском Усолье "...на Теплом стану..." крупный отряд крестьянской армии под руководством самарского жителя Р.Тимофеева в составе до пятисот человек и не думал складывать оружие. Повстанцы собирались идти на Уренскую крепость, но вскоре были разгромлены правительственными войсками. В ноябре 1670 г., примерно через месяц после поражения отряда Р.Тимофеева, после долгих колебаний жители Надеинского Усолья послали в Симбирск делегацию, состоящую из старца промышленника Феодосия, священника и пяти крестьян "...от всех усольцев, чтоб великий государь пожаловал их, велел вины им отдать, что они были у Стеньки Разина". Но и после принесения повинной настроение усольских жителей не изменилось. После поражения второго похода разинцев на Симбирск под руководством Ф.Шелудяка в июле 1671 г. в Надеинском Усолье скопилось около двух тысяч восставших⁴⁸. Готово было население монастырских владений поддержать и восстание К.Булавина. В 1708 г., когда отряды армии К.Булавина подступали к Саратову и приказчик Городищенской слободы И.Алемасов бежал в Симбирск, жители слободы отказались ставить караульщикиков на монастырский двор и намеревались примкнуть к восстанию⁴⁹.

Классовые столкновения были постоянным явлением в социальной жизни крупной вотчины края. Основной формой, проявлением их была подача челобитных. Вспышки активности на моменты нарушения правовых норм вотчинной жизни, резкого ухудшения положения населения. Впрочем можно говорить об элементах организации. Однако организованность крестьян не выходила за пределы одной общины, мира. В ряде случаев наиболее активно выступали беднейшие слои населения, но как правило,

их поддерживал весь мир. Бегство как форма классовой борьбы не получило широкого развития. В этом сказалась специфика изучаемого региона. Судя по материалам, отдельных, не связанных с событиями крестьянской войны вооруженных восстаний не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10837. Л. 2, 4.
2. Зерцалов А. Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной избы 1665-1667 гг.). Симбирск, 1896. С. 92, 129 и др.; ЦГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 323а. Л. 1, 87; Ф. 1199. Оп. 1. Д. 30. Л. 70б., 39об., 158; Временник.... Кн. 25. С. 187-194.
3. ЦГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 25. Л. 17. 17об., 39; Д. 30. Л. 7, 7об., 39, 120, 121, 157, 158.
4. АИ. Т. 5. С. 94-97, 330-334.
5. ЦГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 13. 1677. Л. 1-4; Ф. 1199. Оп. 1. Д. 58. Л. 8об.; Д. 70. Л. 11об., 222-222об.
6. ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 1-33; Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1-144; Д. 54. 1684. Л. 1, 17-18.
7. Дементьев Е. И. Соборные приговоры как источник по истории монастырского хозяйства конца ХУПв. // Исторические записки. Т. 101. М., 1979. С. 354.
8. ЦГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.
9. ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 1.
10. ЦГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 30. Л. 120, 157об.; Д. 33. Л. 181; Д. 70. Л. 222-222об.
11. ЦГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 34. 1704. Л. 232.
12. Чекунова А. Е. Вотчинное хозяйство.... С. 13-14; Булыгин И. А. Монастырские крестьяне.... С. 85-87.
13. ОДДАС. Т. 15. С. 459-462. Приложение. Стб. 955-959; ЦГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 3-6; Горская Н. А. Монастырские крестьяне.... С. 42; Сахаров А. Н. Русская деревня.... С. 49-72.
14. ОДДАС. Т. 15. Приложение. Стб. 955-959.
15. ЦГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 66; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11565. Л. 28-29.
16. Горская Н. А. Монастырские крестьяне.... С. 342; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в ХУП-начале ХУШ в. М., 1974. С. 289, 294.

17. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.35.1684.
18. ДАИ.Т.10.С.76-78.
19. ДАИ.Т.7.С.194-195.
20. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11541.Л.4.
21. ЦГАДА.Ф.1209.Оп.1310.Стб.18641.Л.9.
22. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11548.Л.1.
23. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.472.1703.Л.18об.
24. Там же.
25. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.472.1703.Л.1-16об.
26. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11572.Л.1-248.
27. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.1.Д.34.1701.Л.289-289об.
28. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.235.1702.Л.1-3; ОДДАС.Т.2. Приложение ХКП; Т.3.С.211-213.
29. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.472.1703.Л.1-16об.
30. ЦГАДА. Госархив. Разряд XI.Д.70.Л.86об.; Разряд ХУШ.Д.161. Л.36.
31. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.1983.1707.Л.13.
32. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне....С.309-310; Слесарчук Г.И. Хозяйство и крестьяне....С.7,15; Чекунова А.Э. Вотчинное хозяйство... С.15.
33. Индова Е.И., Преображенский А.А. Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма//Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.С.215-216.
34. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.1236.1705.Л.1-15об.
35. ЦГАДА.Ф.1199.Оп.1.Д.71.Л.1.
36. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.1983.1707.Л.1-30.
37. Раскин Д.И. Формирование традиций антифеодальной борьбы у монастырских крестьян северо-запада России во второй половине ХУП в.// История крестьянства северо-запада России в ХУП-ХІХ веках.Л., 1983. С.56-67; и др.
38. ЦГАДА.Ф.125.Оп.1.Д.29.1683.Л.1-8; Д.2.1677.Л.3-8; Ф.125.Оп.1. Д.54.1684.Л.1-23; ДАИ.Т.10.С.76-79; и др.
39. ЦГАДА.Ф.141.Оп.1.Д.112.1682.Л.1-5.
40. ЦГАДА.Ф.1199.Оп.1.Д.7.Л.61.
41. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.1236.1705.Л.1-15об.
42. Там же.Д.1983.1707.Л.1-60.
43. Там же.Д.2239.1708.Л.1-2.

44. ЦГАДА.Ф.281.Оп.17.Д.11587.Л.2об.

45. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Д.34.1701.Л.283об.-302;Оп.1.Ч.2.Д.2939.
1709.Л.1-8.

46. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии//Маркс К., Энгельс Ф.
Соч.Т.7.С.357.

47. Крестьянская война под предводительством Степана Разина.Т.2.
М.,1957.С.533;Т.3.М.,1962.С.342.

48. Там же. Т.3.С.131;Т.2.С.533,342.

49. ЦГАДА.Ф.237.Оп.1.Ч.2.Д.1983.1707.Л.57об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совокупные данные о развитии церковной собственности на территории Симбирско-Самарского Поволжья показывают, что духовенство в лице монастырей являлось одним из крупнейших участников его освоения. Южные районы Среднего Поволжья были одним из регионов, где предпринимательская деятельность крупнейших церковно-монастырских феодалов страны проявилась в наибольших масштабах. В мотивация их появления здесь, в действиях многочисленных старцев, вероисповедников, промышленников миссионерские цели и задачи отсутствовали полностью. Как и в других районах страны церковные корпорации не были первопроходцами в освоении пустынных территорий. Они шли вслед за беглыми крестьянами и посадскими людьми, государством, светскими предпринимателями-промышленниками и феодалами. Однако благодаря своему экономическому могуществу и феодальным привилегиям, представители духовенства смогли более полно, чем кто-либо, использовать имеющиеся возможности. В сравнительно небольшой группе церковных собственников края ведущее место занимали крупнейшие, наиболее привилегированные монастыри Москвы, Подмосковья и центральных уездов страны. Большинство из их приволжских вотчин по размерам своей территории и количеству зависимых людей значительно превосходило аналогичные единичные владения в других районах страны. Этот факт позволяет говорить о процессе перераспределения, переноса центра тяжести собственности отдельных монастырей на периферию, в пределы Симбирско-Самарского Поволжья.

В предпринимательско-хозяйственной деятельности церкви на терри-

тории края можно выделить следующие направления: промышленное, аграрное и смешанное аграрно-промышленное. Хозяйства первого направления появились на волжских берегах в последние десятилетия XVI в., второго и третьего (за единственным исключением) во второй половине XVII в. К концу XVII-началу XVIII вв. произошла трансформация промышленного типа предпринимательства в промышленно-аграрный. Процесс переориентации деятельности духовных феодалов был во многом обусловлен изменением характера социально-экономического освоения края, резким ускорением становления на его территории феодально-крепостнических отношений. Монашеские власти использовали промышленные предприятия Средней Волги как необходимое дополнение к натуральному аграрному хозяйству, господствовавшему в их владениях в центральных уездах страны. Дальнейшую судьбу этих предприятий они видели в комплексном взаимном уравновешенном развитии всех отраслей. К концу XVII в. земледелие стало одним из основных направлений хозяйств такого типа.

При всех особенностях развития церковно-монашеского хозяйства Симбирско-Самарского Поволжья оно было основано прежде всего на крепостнической системе отношений и имело дальнейшую тенденцию к ее развитию. Именно поэтому, вряд ли возможно, вычленив отдельные черты в организации промышленно-аграрного хозяйства, в способах использования рабочей силы, степени товарности и т.д., определить его как предприятие с элементами капиталистического производства и распределения. Развитие крупного феодального хозяйства в период начального складывания всероссийского рынка несомненно должно было порождать фрагменты товарного производства, крупного предпринимательства, порой со значительным разделением труда. В целом же оно вписывалось в структуру феодального способа производства.

Этот тезис в значительной степени подтверждают особенности социальных столкновений в своих челобитных, в открытых попытках неповиновения население не ставило требований, свидетельствующих о глубоком проникновении во внутреннюю жизнь вотчин товарно-денежных отношений. Не наблюдалось значительной имущественной дифференциации мира.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Формирование крупной феодальной собственности	12
§ 1. Возникновение и развитие церковно-монастырских владений	13
§ 2. Рост населения в крупной вотчине	22
Глава 2. Церковно-монастырское хозяйство	32
§ 1. Земледельческое производство	32
§ 2. Промысловые отрасли хозяйства	41
Глава 3. Организация крупной вотчины. Особенности формирования социальных отношений	65
§ 1. Организация управления	65
§ 2. Феодальная эксплуатация и формы зависимости населения	70
§ 3. Классовая борьба	78
Заключение	88

Эдуард Львович Дубман
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ХУД ВЕКЕ

По материалам церковно-монастырских владений

Учебное пособие к спецкурсу
для студентов дневного и заочного отделений
исторического факультета

Редактор	- И.С.Колышева
Техн.редактор	- О.Ю.Старцева
Корректор	- Н.В.Голубева

Тем.план 1991 г., поз. 352

Подписано в печать 19.03.91 . формат 60x84 I/16. Бумага
белая оберточная. Печать оперативная. Объем 5,75 печ.л.,
5,5 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 60 к. Заказ № 1519
Куйбышевский госуниверситет, 443011, г.Куйбышев, ул.акад.Павлова, 1.
Типография им.Мяги Куйбышевского полиграфобъединения, 443099,
г.Куйбышев, ул.Венцека, 60.

70,00

8

60 к.